

КЕВИН ХИРН

НЕХЕД ПРОКЛЯТЫЙ

ХРОНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ДРУИДА

Urban Fantasy. Новый Магический Реализм

Кевин Хирн

Проклятый. Нехед

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Хирн К.

Проклятый. Hexed / К. Хирн — «Эксмо», 2011 — (Urban Fantasy. Новый Магический Реализм)

ISBN 978-5-04-092580-3

Оказывается, победить бога – не повод почивать на лаврах! Аттикус О’Салливан, последний друид, знает это не понаслышке, как и то, что ласки богини Смерти – испытание не для слабаков. С верным псом Обероном ему придется вновь сражаться – с вакханками, злобными порождениями ада, и со старыми врагами, преследующими друида со времен второй мировой. Плечом к плечу с вампиром, мечтающим убить бога грома, и трикстером-койотом, и стаей оборотней, и ведьмой Хинду. Помогают в этом волшебный меч, защитный талисман и неистребимое чувство юмора. Недругам лучше не стоит испытывать судьбу и мешать им.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-092580-3

© Хирн К., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Путеводитель по произношению имен	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кевин Хирн Проклятый. Нехед

Моему отцу, который так и не увидел этих книг в печати, однако он покинул нас, зная, что его сын осуществил свою мечту

Путеводитель по произношению имен

Как и с ирландскими словами в «Преследуемом», я бы не хотел, чтобы мои читатели увидели имена на польском, русском, немецком и ирландском в «Проклятом» и подумали: «Хочу ли я правильно их произносить?» Вовсе нет. Я хочу, чтобы вы получили удовольствие, и если вам нравится, чтобы они звучали в соответствии с любимыми старыми канонами, я на вашей стороне. Однако для тех, кто является сторонником точности и желает, чтобы герои произносили их как полагается, я составил простой путеводитель по именам.

Имена польского ковена

В письменном польском есть несколько букв, которые произносятся иначе, чем в английском. Я не стану вдаваться в подробные объяснения, просто доверьтесь мне и примите мою весьма неформальную трактовку – если, конечно, у вас не появится каких-то возражений.

Berta – Берта (это имя звучит так, как пишется, но, обещаю, дальше будет интереснее).

Bogumila – Богумила (хотя американское сокращение ее имени, Мила, гораздо более понятно).

Kazimiera – Казимира

Klaudia – Клаудия (тут все просто)

Malina Sokolowski – Малина Соколовская

Radomila – Родомила

Roksana – Роксана

Waclawa – Вацлава

Ирландские фразы

Bean sidhe – баньши

Dóigh – дой – жечь

Dún – дун – закрывать или запечатывать

Freagroidh tu – фрагройту (означает: *ты ответишь*)

Muchaim – мухем (означает: *уничтожить, погасить*)

Ирландское оружие

Fragarach – Фрагарак, меч, наделенный именем: Отвечающий

Moralltach – Мораллтак – меч, наделенный именем: Великая Ярость

Ирландский бог

Goibhniu – Гоибниу (один из богов племени Туата Де Дананн в ирландской мифологии, брат Нуаду, бог-кузнец и пивовар).

Глава 1

Как оказалось, стоит тебе убить бога, и у людей мгновенно возникает желание с тобой пообщаться. Паранормальные страховые агенты со специальными полисами защиты жизни для «богоубийц». Шарлатаны, предлагающие доспехи, гарантирующие «защиту от богов» и аренду убежища в других измерениях. Но в особенности другие боги, которые сначала поздравляли меня со столь грандиозным достижением, а потом предупреждали, чтобы я не устраивал подобных шуток с ними, после чего обычно следовали предложения прикончить одного из их конкурентов – естественно, в шутку.

Как только в различных пантеонах стало известно, что я прикончил не одного, а сразу двух представителей Туата де Дананн и отправил более могущественного из них в христианский ад, меня стали посещать владыки, герольды и послы, представлявшие самые разные религии. Все они хотели, чтобы я оставил их в покое, но поспорил с кем-то другим, а если мне удастся поразить бессмертного, который вызвал у них раздражение, меня обещали наградить так, что это превзойдет мои самые дикие мечты, бла-бла-бла.

Подобные посулы на самом деле – это гигантский кусок дерьма, как говорят в Соединенном Королевстве. Бригита, кельтская богиня поэзии, огня и кузнечного дела, обещала наградить меня, если я убью Энгуса Ога, но я не видел ее в течение трех недель после того, как Смерть утащила его в ад. Меня посетило множество богов, представлявших другие религии. А из моей собственной? Ничего, если не считать стрекота сверчков.

Японские боги хотели, чтобы я разобрался с китайскими, и наоборот. Старые русские боги пожелали, чтобы я добрался до венгерских. Греки, продемонстрировав противоестественную ненависть к самим себе и междоусобную зависть, мечтали, чтобы я убрал их римские копии. Но самыми странными оказались парни с острова Пасхи, которые попросили, чтобы я поквитался за них с какими-то гнилыми тотемами в районе Сиэтла. Но все – во всяком случае складывалось именно такое впечатление – жаждали, чтобы я убил Тора, как только у меня появится свободное время. Вероятно, мир устал от его интриг.

И первым среди них был мой адвокат Лейф Хелгарсон, старый исландский вампир, который предположительно почитал Тора в давние времена, но так и не рассказал мне, почему теперь питает к нему такую ненависть. Лейф выполнял для меня юридическую работу, а также регулярно проводил со мной спарринги, чтобы я не терял навыков фехтовальщика, и время от времени выпивал бокал моей крови в качестве платы за услуги.

Он ждал меня на крыльце на следующий вечер после Самайна¹. В Темпе установилась прохладная погода, и я пребывал в хорошем настроении, ведь мне было за что благодарить судьбу. В то время как американские дети ходили по домам и выпрашивали сладости по случаю Хэллоуина, я ни на мгновение не забывал про Морриган и Бригиту, когда проводил свои собственные церемонии.

Кроме того, я испытывал волнение, ведь мне предстояло заниматься с ученицей и провести с ней праздничную ночь. Грануаль вернулась из Северной Каролины перед Самайном, и хотя мы почти не покидали рощу Друидов, эта ночь оказалась для меня лучшей за несколько прошедших столетий. Я был единственным оставшимся на земле настоящим друидом, и мысль о том, чтобы создать новую рощу после стольких лет одиночества, наполняла меня надеждой. Вот почему, когда Лейф, сидевший на стуле на моем крыльце, приветствовал меня в момент моего возвращения с работы, я слишком бурно отреагировал – так поступать не следовало.

– Лейф, жуткий ублюдок, как поживаешь, дьявол тебя заберет? – И я широко улыбнулся, останавливая велосипед.

¹ Кельтский Новый год, празднуется 31 октября.

Он приподнял брови и, слегка вздернув свой нордический нос, посмотрел на меня сверху вниз, и тут я сообразил, что он не привык к столь любезному обращению.

– Я не ублюдок, – насмешливо ответил он. – Жуткий – ладно. И хотя со мной все в порядке, – уголок его рта слегка приподнялся, – должен признать, что я не такой бескручинный, как ты.

– Бескручинный? – Я приподнял брови.

В прошлом Лейф просил меня обращать внимание на его поведение, которое показывает, насколько он старше, чем выглядит.

Очевидно, сейчас он не хотел, чтобы его поправляли. Он шумно вздохнул, демонстрируя раздражение. Мне это показалось забавным – ведь он не испытывал необходимости в дыхании.

– Ладно, – сказал он. – Тогда не таким потешным.

– Теперь никто не использует подобные слова, Лейф, за исключением старых пердунов вроде нас. – Я прислонил велосипед к перилам крыльца, поднялся на три ступеньки и уселся рядом с ним. – Тебе следует потратить некоторое время, чтобы научиться не привлекать внимания. Поставь перед собой такую задачу. В последние годы массовая культура меняется гораздо быстрее, чем раньше. Сейчас не Средние века, когда церковь и аристократия изо всех сил старались оставить мир неизменным.

– Ну, хорошо, раз уж ты такой акробат слова, балансирующий на натянутом канате духа времени, просвети меня. Как мне следовало ответить?

– Для начала избавься от слова «хорошо». Теперь его никто не использует. Все говорят: «классно» или «клево».

Лейф нахмурился.

– Но это же неверно с точки зрения грамматики.

– Современным людям плевать на грамматику. Если ты им скажешь, что они используют прилагательное как наречие, они посмотрят на тебя, словно ты превратился в жабу.

– Насколько я понимаю, их образовательная система многое утратила.

– Ты мне будешь рассказывать? Вот что тебе следовало сказать: «Я не такой оголтелый, как ты, Аттикус, и я на расслабоне».

– «На расслабоне»? Это значит, что я в порядке или со мной все клево, верно?

– Все правильно.

– Чуть! – запротестовал Лейф.

– Современный разговорный язык. – Я пожал плечами. – Общайся сам с собой, если хочешь, но, если ты будешь продолжать пользоваться выражениями XIX века, все вокруг будут считать тебя жутким ублюдком.

– Они все равно так думают.

– Из-за того, что ты выходишь из дома только по ночам и сосешь их кровь? – спросил я тонким невинным голоском.

– Совершенно верно, – ответил Лейф, на которого мои насмешки не произвели ни малейшего впечатления.

– Нет, Лейф. – Я с серьезным видом покачал головой. – Они это понимают слишком поздно, если вообще понимают. Люди думают, что ты жуткий, из-за того, как ты разговариваешь и ведешь себя. Они сразу видят, что ты не такой, как они. Поверь мне, дело не в твоей коже цвета двухпроцентного молока. Многие в Долине Солнца боятся рака кожи. Но как только ты открываешь рот, ими овладевает ужас.

– Я же действительно *старый*, Аттикус!

– А я старше тебя более чем на тысячу лет, или ты забыл?

Он вздохнул, уставший старый вампир, который не нуждался в дыхании.

– Нет, не забыл.

– Отлично. Тогда не жалуйся мне, что ты стар. Я провожу время со студентами колледжа, и им даже в голову не приходит, что я не такой, как они. Ребятишки думают, что деньги я получил по наследству или они поступают из трастового фонда, и с удовольствием со мной выпивают.

– Мне тоже очень нравятся учащиеся колледжа. И я бы с удовольствием с ними выпил.

– Нет, Лейф, ты хочешь выпить их *крови*, а не с ними, и они это подсознательно чувствуют, потому что у тебя аура хищника.

Его показное поведение разобиженного мужа, находящегося под башмаком жены, исчезло, и он бросил на меня пристальный взгляд.

– Ты же говорил, что они не способны чувствовать мою ауру, в отличие от тебя.

– Нет, они это делают на бессознательном уровне. И они замечают твою *непохожесть* главным образом из-за того, что ты ведешь себя не так, как должен человек твоего возраста – каким они тебя видят.

– И на сколько я выгляжу?

– Ну... – Я оцениваю его на него посмотрел, пытаюсь отыскать морщины. – Я бы сказал, что тебе под сорок.

– Я выгляжу таким старым? Меня обратили, когда мне еще не исполнилось тридцати.

– Тогда жизнь была труднее, – сказал я, пожимая плечами.

– Пожалуй. Мне нужно поговорить с тобой о тех временах, хотя бы на протяжении часа.

– Конечно, – ответил я, закатывая глаза. – Но прежде позволь мне взять песочные часы и надеть отвратительную домашнюю куртку. Ты только себя послушай, Лейф! Ты хочешь не выделяться из толпы или нет? На протяжении часа? Так сейчас никто не говорит.

– А что тут такого?

– Это слишком формально! Тебе следовало просто сказать: «если ты свободен», а еще лучше – «если ты не занят».

– Но мне нравится стихотворный размер звучания «на протяжении часа», а потом я бы...

– Боги преисподней, ты говоришь белым стихом? Тогда нет ничего удивительного, что ты не в состоянии даже полчаса провести с девушкой из женского клуба! Они привыкли болтать со студентами, а не со специалистами по Шекспиру!

«Аттикус? Ты дома?»

Это был мой ирландский волкодав Оберон, который общался со мной напрямую при помощи телепатической связи. Вероятно, он находился по другую сторону двери и слушал нашу беседу. Я попросил Лейфа подождать немного и заговорил с Обероном.

«Да, Оберон. Я дома. Здесь со мной на крыльце Лейф, который ведет себя в полном соответствии со своим возрастом».

«Я знаю, я уловил его запах. Нечто вроде туалетной воды смерти. Однако я не стал гавкать, как ты просил».

«Ты хороший пес. Хочешь посидеть с нами?»

«Конечно!»

«Но я должен тебя предупредить, это может быть скучно. Лейф хочет поговорить, и он выглядит мрачным и нордически холодным. Возможно, у него какая-то эпическая проблема».

«Все нормально. Ты можешь чесать мне живот во время вашего разговора. Я обещаю не шевелиться».

«Спасибо, приятель. А я обещаю, что мы пробежимся после того, как он уйдет».

Я распахнул входную дверь, и из дома выскочил Оберон, не обращавший внимания на то, что его виляющий хвост наносил неслабые удары по предплечью Лейфа.

«Давай пойдем на озеро после того, как мертвый парень скажет «прощай». А потом в «Рула Була».

Он назвал свой любимый ирландский бар, откуда меня недавно изгнали.

Менеджер «Рула Була» все еще на меня сердится за то, что я увел у него Грануаль. Она была их лучшей барменшей.

«До сих пор? Но это же было так давно».

«Прошло всего три недели, – напомнил я Оберону. Собаки не слишком хорошо разбираются в вопросах времени. – Я позволю тебе побегать по полю для гольфа, и ты сможешь оставить себе всех кроликов, которых сумеешь поймать. Ложись, я почешу тебе живот. Мне нужно поговорить с Лейфом».

Оберон тут же повиновался и повалился на ступеньку между мной и Лейфом.

«На свете нет ничего лучше! Когда тебе чешут живот – это замечательно. Круче только французские пуделихи. Помнишь Фифи? Хорошие были времена. Очень хорошие».

– Хорошо, Лейф, теперь мой пес счастлив, – сказал я, почесывая Оберона. – Так о чем ты хотел поговорить?

– Все сравнительно просто, – начал он, – но, как и со всеми простыми вещами, чрезвычайно запутанно.

– Подожди. Ты используешь слишком много наречий. Следует говорить *в самом деле* и *очень* во всех случаях, – посоветовал я.

– Я бы предпочел так не поступать, ты уж меня прости. Раз я не скрываю свою истинную природу с тобой, могу я говорить, как мне хочется и удобно?

– Конечно, – сказал я, оставив при себе совет почаще использовать сокращения. – Сожалею, Лейф, ты же знаешь, я просто хочу помочь.

– Да, и я это ценю. Однако мне будет трудно, даже если не придется пропускать свои слова через фильтр безграмотности. – Он сделал глубокий, ненужный вдох, закрыл глаза и медленно выдохнул. Казалось, он пытался сосредоточиться и отыскать точку чакры. – Есть много причин, из-за которых мне потребуется твоя помощь, и много причин, чтобы ты согласился ее мне оказать, но это может немного подождать. Вот краткая версия, – сказал он, открывая глаза и поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. – Я хочу, чтобы ты помог мне убить Тора.

«Ха! Пусть встанет в очередь!» – сказал Оберон.

Он был жутко собой доволен, как и во всех случаях, когда ему удавалось выдать что-нибудь смешное. К счастью, Лейф не понял, что мой пес над ним потешается.

– Хм-м-м, – протянул я. – Несомненно, деятельность Тора наводит на мысли об убийстве. Ты далеко не первый из тех, кто мне это предлагал в течение последних трех недель.

– И это одна из причин, по которой тебе следует согласиться, – взорвался Лейф. – У тебя будет полно союзников, ты сможешь получить любую помощь, а в случае успеха у тебя появятся благодарные поклонники.

– И множество плакальчиков, если меня постигнет неудача? Если все его так ненавидят, почему до сих пор никто с ним не разобрался?

– Из-за Рагнарёка, – сразу ответил Лейф, очевидно, ждавший подобного вопроса. – Все боятся Тора из-за пророчества, и это сделало его невыносимо заносчивым. Вот как они рассуждают: если он будет присутствовать, когда наступит конец света, значит, сейчас с ним ничего нельзя сделать. Какой вздор!

Я улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что Рагнарёк – это вздор?

Оберон снова пришел в восторг.

– Не все обещанные концы света наступят, – продолжал Лейф, не обращая внимания на мои слова. – Только один из них, возможно, произойдет, или все предсказания окажутся ложными. Мы не можем позволить, чтобы какая-то древняя легенда, родившаяся в замерзших мозгах моих предков, связывала нам руки. Мы можем все изменить прямо сейчас.

– Послушай, Лейф, я знаю, что ты можешь рассказать мне сагу, наполненную доводами, которые должны заставить меня сделать то, что тебе нужно, но я не в состоянии их усвоить.

Энгус Ог и Брес явились ко мне и затеяли ссору, я лишь ее завершил. И ты прекрасно знаешь, что все могло закончиться иначе. Тебя там не было: я уцелел чудом. Полагаю, ты это видел?

Я показал на свое изуродованное правое ухо. Демон, похожий на талисман группы «Айрон Мэйден», отгрыз его, и я сумел регенерировать лишь исковерканную массу хрящей. (Я уже не раз замечал, что начинаю напевать: «Не тратьте время на поиски утраченных лет»².)

– Конечно, видел, – сказал Лейф.

– Мне еще повезло, что я понес столь незначительный ущерб. И хотя все закончилось удачно и убийство Энгуса обошлось не слишком дорого, мне пришлось пережить несколько весьма неприятных визитов других богов. И все потому, что я по-прежнему остаюсь мелкой рыбешкой. Ты можешь себе представить, что сделают другие боги, если мне удастся прикончить могучего Тора? Они объединятся и уберут меня со сцены только для того, чтобы избавиться от угрозы. Да и вообще, я не думаю, что его можно убить.

– Вполне возможно, – сказал Лейф, погрозив мне пальцем. – Северные боги подобны Туата Де Дананн. Они обладают даром вечной юности, но их можно убить.

– Так было вначале, – согласился я. – Но я читал старые тексты и знаю, что тебе нужен Тор, версия 1.0. Однако тебе следует понимать, что сейчас существует более одной версии Тора, как и множество Койотов, Иисусов, Будд и Элвисов. Мы можем вторгнуться в Асгард³, убить Тора 1.0, а потом, если сумеем избежать мести остальных северных богов, вернуться сюда, в Мидгард, где Тор из комиксов прикончит нас, словно жалких шутов. Ты подумал о такой возможности?

Лейф выглядел смущенным.

– Существуют комиксы о Торе?

– Да, и я не понимаю, как ты мог их пропустить? О нем даже фильм есть, основанный на комиксах. Здесь, в Штатах, он настоящий герой и совсем не похож на настоящего придурка Тора. Он не станет обращать на тебя внимания, если только ты сам его не привлечешь, но вторжение в Асгард очень быстро его заинтересует.

– Хм-м-м. А если я сумею создать коалицию существ, готовых принять участие во вторжении в Асгард, которые потом вернутся вместе с нами в Мидгард? Смогу ли я рассчитывать на твою помощь при таком варианте развития событий?

Я задумчиво покачал головой:

– Нет, Лейф, мне очень жаль. Одна из причин, по которой я все еще жив, состоит в том, что я никогда не вставал на пути у бога грома. Это успешная стратегия выживания, и я намерен ее придерживаться и дальше. Но, если ты все-таки хочешь с ним разобраться, советую избегать Локи. Он сделает вид, что на одной стороне с тобой, но тут же сдаст тебя Одину, после чего весь Пантеон начнет за тобой охотиться, вооружившись осиновым колом.

– Возможно, такой вариант подойдет мне больше, чем продолжать существовать рядом с ним. Я жажду мести.

– И за что же ты хочешь ему отомстить?

Обычно я не пытаюсь разобраться в психологии вампиров, потому что с ними все просто и предсказуемо: их интересуют только две вещи – могущество и территория. Однако им нравится, когда кто-то задает вопросы, потому что тогда они могут тебя игнорировать и казаться таинственными.

У Лейфа так и не появилось шанса мне ответить, хотя он явно собирался. Как только он открыл рот, его взгляд метнулся к моей шее, где висел амулет из холодного железа, а я почувствовал, как пространство между моими ключицами стало нагреваться – более того, я ощутил сильный жар.

² Цитата из песни группы «Айрон Мэйден», здесь обыгрывается созвучие английских слов «лет» и «ушей».

³ Асгард, Азгард, Осгор – в скандинавской мифологии небесный город, обитель богов-асов.

– Хм-м-м, – сказал Лейф после небольшой паузы, – и почему твой амулет так сияет?

Я чувствовал, как жар поднимается, словно ртутный столб в августовское утро, на коже головы выступил пот, в ушах раздалось шипение, и мне показалось, что я поджариваюсь, как бекон. И, хотя у меня возникло инстинктивное желание сорвать с себя амулет и швырнуть его на лужайку, я подавил этот порыв, потому что только тлеющий кусок холодного железа давал мне возможность остаться в живых.

– Я под магической атакой! – прошипел я сквозь стиснутые зубы, изо всех сил сжимая ручки кресла и сконцентрировавшись на том, чтобы заблокировать боль.

Я делал это не только для того, чтобы успокоить свои вопящие нервы, поскольку понимал, что, если позволю боли победить, мне конец. Боль – самый быстрый способ разбудить мозг рептилии, который блокирует все высшие функции головного мозга, оставив лишь неразумные инстинкты, способные работать только на уровне схватки – и тогда я не смогу контактировать с Лейфом, на случай если он пропустил главное: «Кто-то пытается меня убить!»

Глава 2

У Лейфа показались клыки, он вскочил со стула, метнулся к краю лужайки и попытался отсканировать темноту, где могла таиться опасность. Оберон также вскочил и угрожающе зарычал.

Я уже знал, что они никого не увидят. Кто-то нанес удар издалека.

– Ведьмы! – прохрипел я, чувствуя, как амулет продолжает прожигать мою грудь.

Само заклинание уже прекратило свое действие, и алое сияние стало тускнеть, но запах собственной горелой плоти продолжал атаковать мои ноздри. Усилия, необходимые для борьбы с болью и регенерации расплавленной кожи, быстро истощали мои резервы, поэтому я поднялся на ноги и сделал несколько неуверенных шагов по ступенькам крыльца. Теперь я мог сбросить сандалии и начать принимать силу земли. Потом я присел на корточки, наклонился вперед и уперся руками в колени, чтобы амулет перестал касаться моей кожи, но он остался на прежнем месте – вплавился в плоть. Паршивое дело.

– Я бы не стал спорить, что ты стал жертвой колдовства, но не чувствую никого рядом, кроме твоих обычных соседей, – сказал Лейф, продолжая озираться по сторонам в поисках опасности. – Тем не менее, раз уж ты сам так деликатно поднял данную тему...

– Так вот что я сейчас сделал? – сказал я, пытаюсь говорить спокойно. – Деликатно поднял тему ведьм? А мне казалось, что я делал нечто совсем другое – пытался спасти свою задницу от их огненной атаки.

– Прошу прощения. Просто я искал способ плавно перейти от одного к другому, к сожалению, не получилось. У меня имелся профессиональный повод для визита к тебе: я собирался сообщить, что Малина Соколовская согласилась на твои последние условия без корректировки поправок. Она готова подписать договор о ненападении, как только ты дашь свое согласие.

– Неужели? – Я потянул серебряную цепочку амулета и поморщился, когда тот отлепился от моей груди вместе с кусочком почерневшей кожи. – Но теперь ее предложение о ненападении следует считать ложью, не так ли?

– Нет. – Лейф покачал головой. – Она не стала бы так поступать перед тем, как заключить с тобой мир.

– Может быть, это самый подходящий момент для атаки. Мы еще ничего не подписали, и она занимает одно из первых мест в моем списке подозреваемых.

Малина стала новой главой ковена польских ведьм, называвших себя Сестрами Трех Зорь, и они с восьмидесятих годов, задолго до того, как здесь появился я, считали Восточную долину – местное название для городов Темпе, Меса, Скоттсдейл, Чандлер и Гилберт – своей территорией. Когда я приехал в город в конце девяностых, они попросту меня игнорировали; я был одиночкой и не демонстрировал ни малейшей агрессии, к тому же особо не показывал, что у меня есть какая-то сила, лишь талант к созданию лекарств из трав.

Мы были готовы жить и давать жить другим, пока наши интересы не пересеклись: они решили помочь богу, пожелавшему меня убить (в обмен на разрешение свободно передвигаться по Тир на Ног, как я думал поначалу, но потом оказалось, что речь шла о праве проживания в Маг Мэлл), мой же интерес заключался в том, чтобы уцелеть. Именно в этот момент оказалось, что они совершили огромную ошибку, недооценив меня. Прежде их было тринадцать, но шесть погибло, пытаясь меня прикончить, и, несмотря на разговоры Малины о голубях мира и оливковых ветвях, я продолжал считать, что они бы с удовольствием воспользовались любым шансом, чтобы отомстить за своих.

– Я надеюсь, ты не станешь предлагать мне нанести ей визит, – сердито сказал Лейф.

– Нет, нет, я сам намерен ее навестить.

– Какое огромное облегчение. Кстати, твой любознательный сосед проявляет к нам интерес.

– Ты имеешь в виду мистера Семерджана?

– Да, его.

Не поворачивая головы, я искоса посмотрел на противоположную сторону улицы. И заметил, как жалюзи в доме напротив слегка приоткрылись, а в темном пространстве между ними, несомненно, прятались темные глаза моего отвратительного соседа.

– А ты не чувствуешь в нем чуждого присутствия? – спросил я у Лейфа.

– В каком смысле? – поинтересовался мой адвокат.

– В нем нет духа фейри? Или следов демонов?

Лейф сухо рассмеялся и покачал головой:

– Никто никогда не сможет измерить глубину твоей паранойи.

– Надеюсь, потому что в противном случае кто-нибудь сможет застать меня врасплох. А как от него пахнет?

Лейф с отвращением наморщил нос.

– Как от хот-дога с горчицей и дешевого светлого пива. А его кровь полна жира и алкоголя.

«Вау. Вот уж не думал, что он так хорошо пахнет», – заявил Оберон.

– Наши разговоры о крови напомнили мне, что сегодня ночью мне нужно утолить жажду, – сказал Лейф, – поэтому я предоставлю тебе заняться исцелением и личной охотой на ведьм. Я свой долг выполнил. Но, прежде чем я уйду, прошу тебя об одном: подумай о том, чтобы присоединиться к альянсу против Тора, хорошо? Сделай мне одолжение, представь преимущества, которые ты можешь получить.

– Хорошо, в качестве личного одолжения, – сказал я, – я обдумываю твои слова. Но, если честно, Лейф, я не хочу давать тебе ложных надежд. Убийство Тора – *нет, об этой чести я не помышляю*⁴.

Ледяные взгляды вампиров бывают намного более холодными, чем у обычных людей. А если вампир, который одаривает тебя таким взглядом, родом *из Исландии*, тебе придется столкнуться с исходным значением этого термина, и не стоит удивляться, если температура твоего тела падает на несколько градусов. Пару секунд Лейф именно так на меня смотрел.

– Ты надо мной смеешься? – спросил он после короткой паузы. – Обычно ты цитируешь Шекспира, когда хочешь кого-то высмеять или указать на недалекость.

«Вау, он тебя поймал, Аттикус», – сказал Оберон.

– Нет, Лейф, я всего лишь нахожусь в состоянии стресса, – ответил я, указав на свое влажное от пота лицо и все еще окутанный паром амулет, висевший на шее.

– Я полагаю, ты лжешь.

– Брось, Лейф...

– Прости меня, но наши отношения позволили мне обзавестись некоторыми познаниями о том, как ты мыслишь. Ты намекаешь, что я подобен Ромео, «*шуту судьбы*»⁵, который, быть может, поступает опрометчиво, убив Тибальта, чтобы отомстить за смерть Меркуцио? Ты полагаешь, что меня ждет такой же трагический конец, как и Ромео, если я буду продолжать строить планы убийства Тора?

⁴ «Ромео и Джульетта», перевод Б. Пастернака.

⁵ «Ромео и Джульетта», перевод А. Радловой.

– *Совсем не то. Как жаль! Совсем не то, чего я так хотел*⁶, – возразил я, – но будь у меня намерение, которое ты мне приписываешь, я бы процитировал Бенволио, а не Джульетту: *«Оружье прочь – и мигом по местам! Не знаете, что делаете, дури»*⁷.

Лейф смотрел на меня, застыв в полнейшей неподвижности, на что способны лишь вампиры или камни-любимцы⁸.

– Я всегда предпочитал «Гамлета», – наконец сказал он. – *Сейчас я мог бы пить живую кровь и на дела способен, от которых я утром отшатнусь*⁹.

Он повернулся на каблуках и быстро – пожалуй, слишком быстро для обычного человека – шагнул к двери своего блестящего черного «Ягуара ХК» с откидным верхом.

– *Теперь прощай. Пора*¹⁰, – на ходу бросил он, прыгнул на сиденье, запустил двигатель и умчался прочь.

«Эй, если это была дуэль шекспировских цитат, то он только что надрал тебе задницу».

«Я знаю. Но я вставил строки Т. С. Элиота, а он не заметил. Будем надеяться, что в следующий раз я не буду приходить в себя после покушения на мою жизнь, и тогда у меня получится лучше».

Я все еще стоял, наклонившись вперед, не давая амулету снова коснуться груди, и мне требовалось что-то с этим сделать – но не хотелось ничего предпринимать на глазах у мистера Семерджана, который, несомненно, продолжал за мной наблюдать.

«Оберон, я хочу, чтобы ты перебежал на противоположную сторону улицы и сел на краю его лужайки, чтобы он мог тебя видеть».

«И все? Просто сесть? Потому что я больше не хочу ничего делать, пока он смотрит».

«И все. Я хочу, чтобы ты его отвлек, и больше ничего. С тех самых пор, как ты оставил ему подарочек, он ужасно боится, что ты сделаешь это еще раз. Он получил дар, который не перестает о себе напоминать».

Какая жалость, что мы с мистером Семерджаном не дружим. Толстый коротышка из Ливана, возраст которого перевалил за шестьдесят, исключительно легко приходил в волнение и невероятно громко шумел. Наверное, с ним было бы забавно посмотреть бейсбольный матч. Мы могли прекрасно поладить, если бы он не вел себя как болван с того самого момента, как я здесь поселился – с тем же успехом можно сказать, что утопленник мог бы жить, если бы умел дышать под водой.

«Ладно, но я хотел бы получить за это колбасу».

«Договорились. И мы все равно потом отправимся побегать».

«Подожди. Он ведь не помнит, что случилось в парке Папаго, правильно?»

Оберон имел в виду несчастный случай, в результате которого погиб парковый рейнджер, а мистер Семерджан попытался нас подставить.

«Нет. Лейф об этом позаботился, прибегнув к своему патентованному вампирскому способу стирания памяти».

Эта мысль заставила меня вспомнить, что иногда бывает очень полезно иметь среди друзей вампира; я надеялся, что Лейф не станет долго на меня обижаться.

«Ладно, думаю, будет весело. – Оберон потрусил на противоположную сторону улицы, щель между жалюзи сразу увеличилась, мистер Семерджан перестал прятаться. – Я вижу его глаза».

⁶ Т. С. Элиот. «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Перевод Н. Берберовой.

⁷ «Ромео и Джульетта», перевод Б. Пастернака.

⁸ Лучший питомец – тот, за которым не надо следить. Например, камень. Такие камни продавались в середине семидесятых годов в подарочных коробках.

⁹ «Гамлет», перевод Б. Пастернака.

¹⁰ «Гамлет», перевод Б. Пастернака.

Пока эти двое пожирали друг друга глазами, я продолжал брать силу у земли, а заодно вызвал густой, но сильно локализованный туман. Аризона славится своим сухим воздухом, однако в первую неделю ноября, с приближением грозы, не так уж трудно связать немного паров воды. Пока туман собирался, я занялся исцелением обожженной кожи, и на этот раз у меня получилось гораздо лучше – ведь сейчас амулет не обжигал ее быстрее, чем я успевал лечить.

Однако амулет все еще оставался горячим, так что мне пришлось наклониться вперед, когда я направился к садовому шлангу и включил воду, предварительно проверив, успел ли сгуститься туман. Я все еще видел Оберона, который сидел под уличным фонарем, но не у окна мистера Семерджана, так что этого было достаточно. Я поднял руку, чтобы защитить лицо от пара, и направил струю воды на амулет.

Он зашипел, пар стал подниматься фонтаном, но через несколько секунд амулет заметно охладился.

«Послушай, кажется, он собирается выйти», – доложил Оберон.

«Все нормально. Просто оставайся там и смотри на него. Ну, и помаша хвостом, если сможешь».

«Я не могу. Он мне не нравится».

Я услышал, как мистер Семерджан выскочил из дома и сразу принялся страшно шуметь.

– Проваливай отсюда, грязная шавка! Кыш-ш! Уходи прочь!

«Кажется, он назвал меня шавкой? Каков грубиян! Послушай, у него в руках свернутая в рулон газета».

«Если он направится к тебе, зарычи на него».

«Круто. Он идет».

Я услышал, как Оберон угрожающе зарычал, и категорические приказы мистера Семерджана тут же сменились на пронзительные мольбы несколькими октавами выше.

– Эй! Милая собачка! Не уходи! Хороший песик!

«Должно быть, он решил, что я глупый. Он идет ко мне с газетой в руке, собираясь стукнуть по голове, говорит «хорошая собачка» и думает, будто я забуду остальное? Пожалуй, на него следует пару раз хорошенько гавкнуть».

«Давай».

Амулет быстро охладился; еще через несколько секунд его можно будет опустить на грудь, и он больше не причинит мне вреда. Оберон злобно залаял, и голос запаниковавшего мистера Семерджана тут же перешел на диапазон Мэрайи Кэри¹¹.

– О’Салливан! Отзови свою собаку, будь ты проклят! Иди сюда! Откуда взялся этот гребаный туман?

Вполне довольный, я выключил воду и выпрямился, позволив амулету вновь опуститься на грудь. Кожа еще не совсем исцелилась, но мне стало гораздо лучше, и я полностью контролировал боль. Неспешной походкой я двинулся к сидевшему на прежнем месте Оберону.

– Итак, – спокойно сказал я, выходя из тумана под бледный свет солнца и останавливаясь рядом со своим псом. – Что вы шумите, мистер Семерджан? Моя собака сидит и даже не помышляет о насилии.

– Он не на поводке! – пролопотал он.

– Вы тоже, – заметил я. – И если бы вы не подходили к нему с угрожающим видом, он никогда бы не стал на вас рычать, не говоря уже о том, чтобы лаять.

– Это не имеет значения! – заявил Семерджан. – Он не должен свободно бегать по улице! И он не имеет права находиться на территории моей собственности! Я позвоню в полицию!

¹¹ Известная американская певица.

– Насколько я помню, когда вы в прошлый раз позвонили в полицию, чтобы на меня пожаловаться, вас вызвали в суд за ложный звонок в 911, разве не так?

Лицо Семерджана стало пурпурным.

– Убирайтесь с моей собственности! Оба!

«Отступи назад, к улице вместе со мной, чтобы мы оба исчезли из виду, – сказал я Оберону. – Давай».

Мы отступили, не сводя глаз с мистера Семерджана, позволив туману нас скрыть, и я представил, как сейчас выглядит мой сосед: прямо у него на глазах мужчина и его собака синхронно отошли назад, при этом мужчина не подавал никакой команды, а затем оба исчезли в тумане, словно призраки.

«Это должно хорошенько его напугать», – сказал я Оберону.

– Ты жуткий ублюдок, О’Салливан! – закричал Семерджан после того, как мы отошли от него на несколько шагов – как и следовало ожидать. Я с трудом сдержал смех, оценив иронию его оскорбления. – Вам с псом лучше держаться от меня подальше!

«Это было очень забавно, – заявил довольный Оберон. – Я забыл слово, которое означает, что ты над кем-то подшутил?»

«Проказа, – ответил я, переходя на легкий бег вместе с Обероном. Я отпустил заклинание воды, и туман быстро рассеялся. – Мы, как *Веселые проказники*¹² 1964, устроили мистеру Семерджану наш собственный кислотный тест.

«А что такое кислотный тест?»

«Я тебе о нем расскажу, когда мы вернемся домой. И раз уж ты грязная шавка...»

«Эй!»

«...тебе нужно в ванну. А когда мы вместе там окажемся, я расскажу тебе про Веселых Проказников и «Электропрохладительный кислотный тест»¹³. Но сначала сбегает в магазин и купим тебе колбасу».

«Ладно! Я хочу одну, но сочную, с курицей и яблоками».

«Ты не против, если я позвоню? Мне нужно рассказать Малине, что ее заклинание не сработало».

Я достал сотовый телефон и начал набирать номер Малины.

«Конечно. Но пока я не забыл: тебе следует знать, что Лейф тебе только что соврал».

«В каком смысле?» – Я нахмурился.

«Ну, ты помнишь, как у меня нос был полон демонами четыре дня назад, когда ты спас меня в горах Сьюпестишен».

«Три недели назад, а не четыре дня, но да, я помню».

«Так вот, Лейф сказал тебе, что от мистера Семерджана не пахнет, как от демона, но в некотором смысле это не так. На самом деле он и сейчас пахнет. Превратись в собаку, если мне не веришь; твой увечный человеческий нос только сбивает тебя с толку».

«Подожди. Постой», – сказал я, останавливаясь посреди улицы. Оберон пробежал еще несколько шагов, потом повернулся и посмотрел на меня, вывалив наружу язык. Мы все еще находились на 11-й улице, примерно в квартале от моего дома; уличные фонари периодически отбрасывали конусы света, похожие в темноте на желтые шутовские колпаки.

«И ты все еще чувствуешь запах демона, хотя мы довольно далеко отошли от дома».

«Да. И он становится все сильнее».

¹² Название неформальной коммуны, существовавшей с 1964-го по 1966 год в Соединенных Штатах Америки. Коммуна оказала существенное влияние на популяризацию ЛСД и спровоцировала психоделическую (также называемую кислотной) революцию.

¹³ Книга американского писателя Тома Вулфа, описывающая период жизни Кена Кизи (автора «Пролетая над гнездом кукушки») с 1958-го по 1966 год и сформировавшуюся вокруг него неформальную субкультурную коммуны – «Веселых Проказников».

«О, нет, это плохо, Оберон, – сказал я, возвращая сотовый телефон в карман. – Нам нужно вернуться домой. Мне необходим мой меч».

Впереди, примерно в одном квартале, что-то шевельнулось в тени. Размером с небольшой «Фольксваген», оно противоестественно двигалось на некотором расстоянии от земли, потом я сумел различить гротескные длинные ноги насекомого, которые поддерживали тело, смутно напоминавшее кузнечика. Размеры насекомых не должны превышать шести дюймов из-за устройства трахеи, однако демон об этом не подозревал.

«Беги домой, Оберон! Прямо сейчас!»

Я повернулся, изо всех сил помчался к своему двору и тут же услышал, как демон бросился за мной, и его хитиновые ноги застучали по черному асфальту. Однако нам не удалось от него оторваться; более того, он нас догонял. Я понял, что у меня не будет времени взять меч.

Глава 3

Демоны пахнут как задница – причем самая мерзкая на свете – и так сильно, что вызывают рвотный рефлекс, от которого очень трудно избавиться. Я получил передозировку, когда Энгус Ог выпустил в нашу реальность целую орду демонов, которым приказал меня убить, и теперь снова уловил вонь отвратительной твари. Едва ли этот аромат в ближайшее время предложат покупателям в свечах Золотого каньона.

Некоторые демоны оказались достаточно сильными, чтобы спрятаться в горах и устраивать там безобразия. И хотя Флидас – кельтская богиня охоты – выследила и прикончила большинство из них, я знал, что часть осталась на свободе и рано или поздно за мной придут. Несмотря на смерть Энгуса Ога, его призыв являлся единственной причиной, позволявшей демонам оставаться в нашей реальности, и, пока они не выполнят приказ, им не получить истинной свободы; воля Энгуса будет давить на них до тех пор, пока они не потеряют способность сопротивляться. Большую часть орды я убил при помощи Холодного Огня, но этот демон, очевидно, сбежал одним из первых и только теперь сумел меня отыскать, вынужденный выполнить волю Энгуса Ога.

«Беги на задний двор, Оберон, – сказал я. Мой друг уже меня обогнал. – У тебя нет никаких шансов противостоять этой твари».

«Я не стану тебе возражать, – сказал он. – К тому же у меня нет ни малейшего желания кусать существо, от которого так воняет».

Я влетел на свою лужайку, демон меня догонял, и я уже слышал свист дыхальцев и быстрый перестук его шести ног. Я спешил оказаться на земле, чтобы ударить по твари Холодным Огнем, однако в моем плане имелись серьезные минусы: во-первых, Холодный Огонь срабатывает не сразу, во-вторых, его использование ослабляло меня так сильно, что я становился полностью уязвимым после его применения.

Не имея в руках меча, способного рассечь хитин, и без подушки безопасности для применения Холодного Огня, мне приходилось рассчитывать на свою магическую защиту, которая должна была разобраться с демоном прежде, чем он меня прикончит. Но и это займет некоторое время, впрочем, я мог попробовать спрятаться за мескитовым деревом, тогда зазубренные передние лапы меня не достанут, а мой амулет друида сделает свою работу.

Земля всегда с радостью готова помочь избавиться от демонов: они здесь чужаки и должны быть подвергнуты анафеме, поэтому мне потребовалось совсем немного усилий, чтобы активировать защиту против демонов, окружавшую дом. Научи землю засекаать присутствие демона и поощри ее к очистке загрязненного участка, и можно считать дело законченным – в некотором смысле.

Проблема состоит в том, что земля никогда не отличалась быстротой реакции. Каждые десять лет я люблю медитировать в течение недели и войти в контакт с ее духом, который люди сейчас называют Гея, и она с удовольствием болтает о меловом периоде, словно он был в прошлом месяце. Однако озабоченный проблемами безопасности друид не может позволить себе длительного изучения незваных гостей, поэтому я сделал мескитовое дерево первой линией обороны, а также сигналом тревоги для элементарей пустыни Сонора. Элементали способны привлечь внимание земли гораздо быстрее, чем я, – не исключено, что они появятся сами в качестве представителей Геи. Если честно, я не знал, что произойдет, когда демон разбудит гнев земли; но не сомневался, что она одержит победу.

Когда моя нога коснулась травы во дворе, я едва не вскрикнул от облегчения и тут же начал вбирать силу земли, чтобы компенсировать усталость мышц и для обогащения крови кислородом. Это сразу позволило мне увеличить скорость и в самый последний момент избежать стремительного удара демона. Его вооруженная когтем передняя нога пронеслась мимо

моей икры и вонзилась в дерн, и это напомнило мне об одном трюке, который я использовал против фир болгов, когда они атаковали меня в моем доме.

– *Конни!* – выкрикнул я, на бегу указав пальцем на коготь твари, приказывая земле сомкнуться вокруг него и не дать вырваться.

Это замедлило демона, но он сумел высвободиться, – хитин был слишком гладким, чтобы земля могла его удержать, и после пары мощных рывков тварь сумела вырваться. И все же мне удалось решить две проблемы: появилось время спрятаться за мескиновым деревом, и сработали мои защитные заклинания.

Усеянная шипами лоза бугенвиллеи метнулась от стоек крыльца, пытаясь схватить демона, который, как я теперь успел разглядеть, совсем не походил на кузнечика. Скорее он был чудовищным черным жуком-убийцей из семейства хищнецов, с заостренными зубцами спинных доспехов и жутким клювом, который он вонзал в свои жертвы, чтобы высосать их соки. Лоза оказалась недостаточно сильной, чтобы остановить существо из ада, и начала вянуть, как только его коснулась.

И тут лужайка под демоном пошла рябью, корни мескинового дерева вырвались из-под земли и обхватили четыре задние ноги твари. Это определенно привлекло его внимание. Демон пронзительно взвыл, возмущенный, что его планы сорвались, и отчаянно забился, стараясь вырваться. К сожалению, корни моего бедного дерева, как и лоза, не смогли долго выдерживать прикосновений мерзкой твари. Их сил хватило всего на десять секунд, и если бы я знал, что так будет, то сразу бы использовал Холодный Огонь и покончил с демоном.

– О'Салливан! Что это за мерзкая тварь?

Боги преисподней, мистер Семерджан все еще стоял на противоположной стороне улицы! И теперь, когда туман рассеялся, а уличные фонари снова озарили светом все вокруг, он увидел то, чего не следует видеть глазам простого смертного. Я не знал, как ему объяснить, что происходит.

– Хм-м-м, я немного занят! – сказал я.

– Тебе потребуется чертовски большая банка спрея против насекомых! – крикнул он. – Или гранатомет. У меня есть в гараже, принести?

– Что? Нет, мистер Семерджан, не надо! Это не поможет! Просто оставайтесь на месте!

Я должен был заставить его замолчать. Если он будет и дальше меня отвлекать, я стану добычей демона. Черный жук вырвал корни моего дерева и вновь начал приближаться ко мне по вспучившейся лужайке. Он попытался отгрызть от меня кусочек своим клювом, похожим на трубку, который пронесся мимо ствола с такой скоростью, что я едва успел его заметить, и задел мое плечо, оставив на нем обжигающую царапину. Мое дерево не могло такое стерпеть.

Ветви начали наносить хлесткие удары по голове и груди демона, не причиняя ему существенного вреда, но ослепляя легкими зелеными листьями. Черный жук встал на дыбы и принялся колотить ветви, с каждым ударом своих острых, похожих на клинки когтей отсекая сразу несколько, но я уже видел, что это задержит его всего на несколько секунд, после чего демон вновь займется мной. У меня все еще не было возможности войти в дом за мечом, но теперь я мог попытаться достать его Холодным Огнем. Я указал на демона пальцем, и ключевое слово заклинания уже собиралось сорваться с моих губ, когда я увидел, что подоспела кавалерия.

За черным жуком на лужайке с невероятной скоростью рос огромный кактус сагуаро. И он не только намеревался спрессовать столетие обычной жизни в несколько секунд, но и демонстрировал некоторые признаки разума и способности к движению – выдающиеся для кактуса. Это мог быть лишь элементаль пустыни Сонора, которого призвало мое мескиновое дерево, чтобы воин Геи сразился с порождением ада. Он вытянулся в ночи и с размаху ударил покрытым шипами кулаком по нижней части брюшной полости, как раз возле острых зубьев жука.

Панцирь демона треснул, и тварь завизжала так, что у меня заломило кости, а потом развернулась, чтобы рассечь руки и торс кактуса. Демону удалось отрубить руку и даже снести верхушку сагуаро, но на растение это не произвело особого впечатления – у него не было головы. Когда такие вещи происходят в обычной жизни, сагуаро просто запечатывают больное место и отращивают новые руки. Элементаль даже не замедлил движения. Другая рука обрушилась на голову демона, раздавив один из сферических черных глаз, и во все стороны полетели брызги ихора.

Демон понял, что сражается за свою жизнь. И уже не с жалким человеком, которого следовало сожрать прежде, чем покинуть эту реальность; перед ним появился воин земли, телесное воплощение экосистемы, к тому же смертельно опасный. Черный жук обрушил на сагуаро серию секущих ударов, стараясь отрубить ему руки, чтобы добраться до ствола, но они отрастали быстрее, чем он успевал с ними справляться. Не прошло и десяти секунд, как одна из рук, выросшая сзади ствола, извернулась и врезала демону по черепу. Удар получился таким могучим, что пробил череп и расчленил продолговатое тело демона надвое, так что часть твари оказалась на земле и его ноги еще некоторое время дергались в спазматическом танце смерти.

Безмерно признательный за помощь, пытаясь игнорировать отвратительную вонь, я послал земле благодарность через татуировки, общаясь с элементом на эмоциональном уровне, так как человеческие языки ничего для него не значили.

«Друид благодарен. Помощь приветствуется», – сказал я.

Элементаль покраснел, довольный победой и собой, и тут же предложил исправить ущерб, нанесенный моей лужайке, дереву и кустам, чтобы тут не осталось следов ада, и я благосклонно согласился. Элементаль не мог решить, что делать с останками демона: голова и грудная клетка превратились в куски черной смолы, но живот и ноги практически не пострадали, и они явно не принадлежали нашей реальности. Элементаль не хотел, чтобы демон погрузился в землю, но понимал, что я не могу засунуть огромное тело в мусорный контейнер.

И я сделал ему предложение: заключить тело демона в камень, сжать его так, чтобы оно превратилось в жидкость, и оставить мне каменный бочонок с пробкой рядом с днищем. Я отдам его знакомым вурдалакам (на самом деле их знал Лейф, они даже были у него на быстром наборе), и они устроят вечеринку, потому что сок демона для них подобен «Егермейстеру»¹⁴, а потом вернут вычищенную бочку, после чего ее сможет поглотить земля. Элементаля такое решение порадовало, и он тут же приступил к работе.

– О’Салливан? – Неуверенный голос вернул меня в земную реальность.

Мистер Семерджан.

– Да, сэ, чем я могу вам помочь?

Моя лужайка снова стала совершенно нормальной, такой, как прежде, – кустарник и мескитовое дерево выглядели просто превосходно. Однако присутствие на ней кактуса сагуаро, который при помощи своих многочисленных рук мял камень, словно кусок глины, под громкий хруст ломающегося хитина, требовало комментариев.

Мой сосед поднял трясущийся палец и указал на сагуаро.

– Живой кактус с руками... и большой жук... и ты, ты жуткий ублюдок. Кто ты такой?

Я засунул руки в карманы и победно улыбнулся соседу.

– Я Антихрист, кто же еще?

В ответ мистер Семерджан потерял сознание, что меня сильно удивило. Я ожидал, что он начнет в грубой форме выражать свое недоверие, что-то вроде среднего пальца или подробного описания промежности... он же только что видел огромного демона и небрежно предложил с ним разобраться, как крутой парень. В таком случае почему упоминание имени христианского

¹⁴ Немецкий крепкий ликер.

чудовища заставило его упасть в обморок? Он же мусульманин, клянусь свободной любовью Флидас!

На самом деле его обморок явился благословением. Когда он придет в себя, все будет в полном порядке, а я скажу, что ничего не случилось. Если же он попытается кому-нибудь рассказать о том, что видел, ему никто не поверит. Рана на моем плече уже начала заживать.

Элементаль закончил работу и оставил каменный бочонок, наполненный дистиллированным демоном, на подъездной дорожке, где я смогу с легкостью его замаскировать, пока не приедут вурдалаки и не погрузят его в свой грузовой автомобиль-рефрижератор. Сонора попрощался и погрузился обратно в мою лужайку, откуда появился, оставив все в идеальном порядке, словно здесь не происходило ничего сверхъестественного. Моя лужайка выглядела ухоженной и свежей.

«Опасности больше нет?» – спросил с заднего двора Оберон.

«Да, можешь выходить. Мне нужно сделать пару звонков».

Сначала я набрал 911 для мистера Семерджана, теперь у меня имелась официальная причина для заботы о его здоровье. Если он придет в себя и начнет называть меня Антихристом, то получит солидную дозу успокоительных или на него наденут симпатичную смирительную рубашку. Потом я позвонил своему дневному адвокату Халу Хёуку, чтобы он дал мне телефон вурдалаков. Едва ли Лейф захочет сейчас на меня работать, к тому же в данный момент он наверняка завтракал студентом УТА¹⁵.

После того как я позвонил вурдалакам, за мистером Семерджаном приехала «Скорая помощь», и я подождал, когда его увезут, пришло время для звонка Малине Соколовской.

– Привет, Малина, – сказал я, заранее наслаждаясь предстоящим разговором. – Я все еще здесь. Твое простенькое заклинание не сработало.

– Значит, и тебя атаковали? Вот *суки*! – прорычала она. – Будь они прокляты!

Малина была явно выведена из равновесия, прежде в разговорах со мной она неизменно оставалась корректной.

– Теперь мне стало интересно – кто еще оказался под ударом и кто еще мертв?

Я рассчитывал совсем на другой ответ.

– Подожди. Какие суки? И кто мертв? Малина, кто мертв?

– Тебе лучше приехать, – сказала она и повесила трубку.

¹⁵ Университет штата Аризона.

Глава 4

«Кажется, ты что-то сказал о суках?» – с надеждой спросил Оберон.

– Да, но не о тех, что ты думаешь, к сожалению, – вслух ответил я. – Ты все еще хочешь побегать, приятель? Нам нужно нанести визит Малине Соколовской.

«Она ведьма и не любит собак, верно?»

– Ну, если честно, я знаю не слишком много ведьм, которые любят собак, так что едва ли она является исключением. Ведьмы относятся к числу тех, кто обожает кошек.

«В таком случае могу я получить свою колбасу до того, как мы к ней пойдём?»

– Конечно. – Я рассмеялся. – И спасибо, что напомнил. Я только схожу в дом за мечом. На сей раз я хочу быть готов ко всему. Постоишь на страже?

«Конечно».

Я сходил в дом, чтобы взять Фрагарак, старый ирландский меч, способный рассекать доспехи, как туалетную бумагу, и забросил его себе за спину, чтобы рукоять торчала из-за правого плеча. Когда я остановился возле холодильника, чтобы сделать пару глотков натурального ягодного сока, Оберон позвал меня с крыльца.

«Аттикус, возле дома появился прохожий, от которого пахнет не как от человека».

Я засунул бутылку с соком обратно в холодильник и поспешил к двери.

«Но он не пахнет как демон?» – спросил я.

«Нет. Он пахнет как собака, но не совсем».

Я распахнул дверь и увидел стоявшего на улице стройного индейца. Его прямые черные волосы падали на плечи из-под ковбойской шляпы, он был в футболке без рукавов, голубых джинсах и потертых коричневых сапогах. В левой руке он держал заляпанный жиром коричневый бумажный пакет, а на лице у него застыла усмешка.

Он лениво помахал мне правой рукой.

– Добрый вечер, мистер Друид, – неспешно и дружелюбно заговорил он. – Я полагаю, ты знаешь, кто я такой?

Я немного успокоился и решил, что мне следует говорить столь же неспешно. Таким образом, я помогу ему расслабиться, и у него будет больше оснований мне верить. Первое правило, чтобы быстро вписаться в окружающую среду: разговаривай как местные. Стоит появиться иностранному акценту, и люди сразустораживаются – лучший способ вызвать ксенофобию. Они сразу видят в тебе чужака, а не брата – таков один из основополагающих аспектов человеческой природы, о котором, как мне кажется, Лейф начал забывать. То же самое можно сказать про диалекты и местные акценты, вот почему у меня навязчивая идея – правильно имитировать чужую речь. Спросите любого янки из Бостона, когда их задерживает полиция в Дип Саус, и они вам скажут, что акцент имеет значение. Поэтому я не стал спешить с ответом, словно у меня впереди был целый день, чтобы завершить предложение, потому что именно так говорил мой гость.

– Конечно, Койот. Вопрос только в том, какое племя ты сейчас представляешь.

– Я представляю динэ, – ответил он, назвав истинное имя племени, которое в Соединенных Штатах называют навахо. – Ты не против, если я зайду и немного у тебя посижу?

– Конечно, нет, – сказал я. – Но ты застал меня не в самый лучший момент для приема гостей. К моему стыду, в моем доме нет табака.

– О, все нормально. Я выпью пива, если у тебя есть.

– Ну, с этим я справлюсь. Присаживайся на крыльце, я сейчас вернусь.

Я метнулся в дом и вытащил из холодильника пару бутылок «Стеллас», пока Койот подходил к крыльцу. Когда он устраивался в кресле, я успел откупорить обе бутылки. Одну из них я протянул ему, и он улыбнулся.

– М-м-м-м, необычное пиво, – сказал он, взяв бутылку из моих рук и внимательно изучая этикетку. – Благодарю тебя, мистер Друид.

– Милости просим.

Мы оба сделали по глотку, одобрительно вздохнули, как положено мужчинам, а потом он протянул мне пакет, который держал в левой руке.

– Я принес колбасу для твоего пса. Ты не против, если я его угощу?

«Колбаса! – Оберон бешено завилял хвостом. – Я уловил приятный запах!»

– А какая колбаса?

Койот рассмеялся.

– Старая паранойя Друида. Ты совсем не меняешься. Нормальная колбаса. Вполне безопасная. Из курицы, с яблочным вкусом. Я не хочу, чтобы твой пес проголодался, пока мы беседуем.

– Это очень мило с твоей стороны, Койот. Мы с моим псом благодарим тебя за внимание.

Если Койот знал, что сегодня Оберон попросил колбасу из курицы с яблочным вкусом, значит, он был рядом, когда мы столкнулись с демоном – достаточно близко, чтобы помочь, однако решил не вмешиваться. И еще из этого следовало, что ему известны мысли Оберона. Я взял у него бумажный пакет, открыл и обнаружил там восемь колбасок размером с братвурст¹⁶, все еще теплых и потрясающе пахнущих. Я разорвал пакет и положил угощение на крыльцо перед Обероном, чтобы ему было удобно до него добраться. Он мгновенно их прикончил.

«Они потрясающие. Передай ему, что я так сказал!»

– Хорошо. – Койот кивнул и сделал еще один глоток пива. Казалось, он не обратил внимания на то, что ответил, не дождавшись, пока я повторю слова Оберона. – Так ты видел демонов где-то поблизости?

Оберон перестал жевать, приподнял голову и наострил уши, а я внимательно посмотрел на Койота – вдруг у него отросли рога и появился запах серы? Он закинул голову и расхохотался, наслаждаясь нашим удивлением, и его клыки засияли в желтом свете уличных фонарей.

– Ха, видели бы вы выражение ваших лиц! Могу спорить, вы и вправду встретились с демоном! Позвольте я угадаю – большой черный жук?

– Да. Но я полагаю, тебе не пришлось угадывать, да? – спросил я.

– Не-е, я видел, как он сюда направлялся. Но он здесь такой не один.

– Да, я догадался, – кивнул я.

– Так я и думал, мистер Друид. И они именно из-за тебя бегают здесь и едят людей.

– А тебе не все равно, если демон устроит какое-то безобразие в городе? – спросил я.

– Не все ли мне равно? Если демон станет есть белых людишек вроде тебя, ты прав, мне без разницы. Но я сказал, они едят *людей*, тем самым я имел в виду, что они убивают *моих* людей, мистер Друид. И демон ими кормится из-за тебя. Вот почему нам с тобой есть о чем поговорить.

– Понятно, – кивнул я, а Оберон счел это знаком продолжить прерванную трапезу. – Где и когда погибли твои люди?

– Вчера съели девушку из старших классов школы Скайлайн, пока остальные дети завтракали в столовой.

– В школе? На глазах у всех?

– Нет, свидетелей не было, кроме меня. Она сидела одна и ела лаваш на улице. Кроме того, для людей демон остается невидимым. В отличие от тебя. И я видел его совершенно определенно.

– Как он выглядит?

– Большая черная штука с крыльями.

¹⁶ Свиная сарделька с большим количеством специй.

Оберон рыгнул, а я почувствовал тошноту. Я знал, какого демона имел в виду Койот. Он был одним из первых существ ада, ворвавшихся в наш мир, когда Энгус Ог открыл портал. Именно он первым сумел сбросить путы заклинания Энгуса. Демон был очень сильным, к тому же он летал, поэтому я не сумел с ним покончить при помощи заклинания Холодного Огня, ведь для этого он должен был касаться земли.

– Что ты собираешься делать? – спросил Койот.

– Я собираюсь ждать, – ответил я. – Рано или поздно он явится за мной, и когда это произойдет, я буду готов.

– Позволь предложить тебе другой план, – сказал Койот, и на его губах появилась кривая улыбка. Он показал на горлышко своей бутылки с пивом. – Завтра ты отправишься к школе и разберешься с демоном до того, как он убьет снова. В школе есть и другие люди моего народа, и я не хочу их терять из-за того, что ты намерен ждать.

– А почему ты сам не убьешь демона, Койот?

– Потому что не я в ответе за его появление здесь, бледнолицый. Кроме того, это демон из другой религии, поэтому мое лекарство не так сильно против него, как твое. Но я тебе помогу, если сумею.

– Ну, мое лекарство может оказаться столь же слабым. Я, конечно, белый, но эта тварь не имеет никакого отношения и к моей религии. К тому же у меня множество своих проблем.

Кривая усмешка Койота исчезла, и он бросил на меня яростный взгляд из-под полей шляпы.

– Это и есть твоя главная проблема, мистер Друид. Разве я недостаточно ясно выразился? Ты все исправишь или будешь держать ответ передо мной. А также перед Пима Койотом. И тохоно-оодхам¹⁷ Койотами, апачи Койотом. И хотя первый из нас может погибнуть в схватке с тобой, а также второй и третий, ты знаешь, что мы будем приходить снова и снова. Сколько раз ты возвращался из мертвых, мистер Друид? Мы с братьями способны это делать столько раз, сколько захотим, но тебя убить достаточно один раз.

«Аттикус?» – Мой пес прижал уши и оскалил зубы, однако не стал рычать на нашего гостя.

«Все в порядке, Оберон. Он тебя слышит, так что ничего ему не выдавай. Я дам знать, если ты понадобится».

Он затих, но продолжал внимательно наблюдать за Койотом.

Я кивнул Койоту, но не стал говорить, что меня убить трудно, поскольку Морриган обещала никогда меня не забирать. Тем не менее Койот мог причинить мне столько вреда, что я никогда от него не оправлюсь, что могло подтвердить мое изуродованное правое ухо. Мне лишь требовалось понять, насколько он серьезен, и я получил ответ.

– Полагаю, ты можешь подвезти меня туда? – спросил я. – У меня нет машины.

Школа Скайлайн находилась в восточной части Месы, рядом с Апачи-Джанкшен – городом, расположенным возле гор Сьюпестишен, где демон вырвался из ада. Мне пришлось бы проехать двадцать миль на велосипеде, что меня не слишком вдохновляло.

– У меня тоже нет машины. – Койот снова ухмыльнулся и сделал глоток пива, забыв об угрозах. – Но мне не помешает ею обзавестись к завтрашнему дню.

– Ладно, тогда заезжай за мной завтра в десять утра, – сказал я. – И прихвати лук. Мы подстрелим летающего демона.

– При помощи старых добрых стрел? – Брови Койота поднялись так высоко, что исчезли под полями шляпы.

– Нет, мы обзаведемся специальными, – сказал я. – Думаю, я знаю, где можно добыть немного священных стрел, убивающих демонов.

¹⁷ «Люди пустыни» – индейский народ, обитающий в пустыне Сонора.

– В самом деле? Я ни разу не видел, чтобы их продавали в ваших католических церквях, – сказал Койот.

– А *когда* ты бывал в католической церкви? – скептически спросил я, и Койот принялся хохотать. Его смех оказался таким заразительным, что я не сумел сдержать улыбку. – Точнее, как ты мог об этом узнать? Они вполне могли раздавать стрелы вместе с рождественскими хлопушками, а ты бы не уловил разницы.

Койот так оглушительно и заливисто хохотал, что очень скоро я к нему присоединился. Он даже согнулся пополам и хлопал себя ладонями по бедрам; он смеялся беззвучно, потому что у него перехватило дыхание; смеялся до тех пор, пока из его глаз не полились слезы.

– Бьюсь об заклад, так и было, мистер Друид! – наконец сумел выговорить Койот. – Священники подходили к солдатам и говорили: «Во имя Отца и Сына, вот тебе хлопушка, а теперь иди и убей проклятых индейцев!»

И тут наш смех стих, а улыбки исчезли, словно на нас спустились погребальные саваны. Это было слишком похоже на правду, чтобы быть смешным. Некоторое время мы молча смотрели на клумбу перед моим крыльцом. Уж не знаю, о чем думал Койот, но ко мне явились призраки тех, кто посягал на мою жизнь; я остался единственным живым друидом после того, как нам объявила войну Святая Римская Церковь.

Наконец Койот вытер слезы и допил пиво.

– Спасибо за пиво и смех, мистер Друид. – Он встал, поставил бутылку на перила крыльца и с широкой улыбкой протянул мне руку. – Ты был бы отличным парнем, не будь таким чертовски белым.

Я крепко пожал ему руку и улыбнулся в ответ.

– А ты был бы отличным парнем, не будь проклятым псом.

Это снова вызвало смех Койота, но теперь его смех уже не был похож на человеческий. Он выпустил мою руку и прямо у меня на глазах опустился на четвереньки, а еще через мгновение прыгнул с крыльца уже в облике животного и с веселым повизгиванием скрылся в прохладной ноябрьской ночи.

Он даже не оставил одежды; все его вещи каким-то непостижимым образом растворились. Оберон тоже обратил на это внимание.

«Выпендривается, – сказал он. – Тебе следовало бы научиться так делать».

– Верно. – Я посмотрел на Оберона и хлопнул в ладоши, когда Койот окончательно исчез из вида. – *А теперь* мы можем навестить польских ведьм.

«Похоже, Койот что-то сделал с твоей головой, – заметил Оберон. – Ты это сказал так, словно встреча с ними подарит нам удовольствие».

Глава 5

Уловив сомнения в мыслях Оберона, я спросил, не предпочитает ли он остаться дома.

«Честно говоря, пробежка уже не кажется мне такой привлекательной, – признался он. – Я только что съел кучу колбасок. Думаю, было бы неплохо вздремнуть. Может, ты мне включишь фильм с Клинтом Иствудом?»

– Конечно. К тому же ты не любишь ведьм, верно?

«Ну да. Как и ты. Вот только ты готов бежать в пряничный домик Малины, потому что она тебя позвала – и сразу после того, как кто-то пытался с тобой покончить, следует добавить. Неужели ты думаешь, что тебе следует устроить ей праздник? Ты чувствуешь, что у тебя сегодня удачный день?»

– Кажется, я знаю, какой фильм с Клинтом Иствудом доставит тебе удовольствие.

Я помог Оберону поудобнее устроиться в гостиной и включил для него «Грязного Гарри», после чего поехал на велосипеде в сторону дома Малины рядом с Таун-Лейк, оставив меч на спине, на самом виду.

С того самого момента, как я стал регулярно носить Фрагарах – в последние несколько недель, – я заметил интересное явление: практически никто не считал его настоящим. Многие думали, что парень на велосипеде все еще живет с мамой и до сих пор не избавился от нездорового увлечения аниме. Другие полагали, что это реквизит для ролевых игр или каких-то других фантазий, потому что мысль о мече как о средстве личной защиты в век огнестрельного оружия вызвала слишком серьезный когнитивный диссонанс. Пока я стоял перед светофором на углу Милл и Университи, один гражданин даже поинтересовался, не еду ли я покупать комиксы.

Малина жила в Бриджвью, в двенадцатиэтажном кондоминиуме из стекла и стали, построенном на рубеже столетий, когда в Темпе стремились поскорее расширить округ Таун-Лейк. Она и ведьмы ее ковена целиком владели девятым этажом – вот только теперь там образовалось шесть свободных квартир. Грануаль, моя ученица, жила на восьмом этаже, непосредственно под Родомилой, которая раньше возглавляла ковен. Я подумал, что стоит ее проведать, прежде чем идти к Малине, поэтому позвонил в дверь Грануаль.

– Кто там? – послышался голос из-за двери. – О, всего лишь ты.

Она открыла дверь в весьма откровенном наряде, и мной на мгновение овладела паника, когда сладострастные мысли едва не вытеснили вполне невинную цель моего посещения. Грануаль никто бы не назвал обыкновенной; она была высокой, гибкой рыжей красавицей с зелеными глазами и прелестным ртом, к тому же очень умной. Последнее имело принципиальное значение, в противном случае она не могла бы стать моей ученицей. Однако мне было трудно рассуждать о ее умственных способностях, когда открылась такая существенная часть ее спортивного тела – куда больше, чем я видел до сих пор.

Обычно она одевалась исключительно скромно, и я это ценил, потому что мои мысли о ней (по большей части) оставались вполне невинными. Но сейчас она открыла мне дверь в светло-зеленой ночной рубашке с глубоким вырезом, облегающей и подчеркивающей формы...

Бейсбол! Нужно думать о бейсболе. А вовсе не об изгибах... О, бросок по дуге. У Рэнди Джонсона такой бросок. О, как бы я хотел скользить...

– Аттикус? Что-то случилось?

– Что? Ну... хм-м-м. Привет. – Ночнушка привела к тому, что мне пришлось перейти на очень короткие слова.

– А почему ты смотришь вверх? Над моей дверью что-то есть? – Она шагнула ко мне и наклонилась, чтобы проследить за моим взглядом, и... о...

– Там... гру... грандиозные украшения на стене! Да! Поразительная отделка, я только сейчас заметил.

– Но ты же видел ее раньше. Что происходит?

Только факты, Аттикус.

– Кто-то напал на меня сегодня вечером, и я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, – сказал я, пытаюсь вспомнить фамилию игрока, который держит рекорд по взятию второй базы.

– Я в полном порядке. Кто на тебя напал?

– Все еще пытаюсь выяснить. Магическая атака, не физическая. На самом деле была еще и физическая, но на меня напал демон, его прикончил элементаль, так что все в порядке, вурдалаки скоро его заберут. Однако я не уверен, что мой сосед останется прежним. А за Оберона можно не беспокоиться, он в полном порядке. – Клянусь сладким медом Дагды¹⁸, я никак не мог перестать лепетать.

– Что? – спросила Грануаль.

– Послушай, сейчас у меня нет времени на разговоры; просто закрой дверь и все окна. Я собираюсь поставить охранный заклинание на твою дверь, чтобы ты оставалась в безопасности, пока я с этим не разберусь.

– Ты думаешь, кто-то собирается на меня напасть?

– Нет, нет, всего лишь мера предосторожности. А теперь возвращайся в квартиру и запри дверь – давай! Завтра утром открой магазин; меня не будет до ленча.

– Ладно, – с сомнением сказала Грануаль, повернулась, а я стал смотреть в потолок, чтобы ее не видеть. – В таком случае до завтра.

– Спокойной ночи, – сказал я, дверь закрылась, ее тело исчезло, и из моей груди вырвался вздох облегчения. – Проклятье, мне бы сейчас не помешала сигарета – а я ведь даже не курю.

Журнал друида, первое ноября: «Как можно скорее купить красивой ученице бесформенную, уродливую одежду; может быть, убедить ее побрить голову. Рассказать, что так поступают все самые крутые ученики друидов».

Мне не требовалось ставить защитное заклинание на дверь Грануаль, потому что я сделал это неделю назад, как только она вернулась из Северной Каролины и я выяснил, что она все еще хочет стать друидом, но я ничего ей не сказал.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы восстановить душевное равновесие и сосредоточиться на предстоящей встрече, я по лестнице поднялся на этаж, который занимали ведьмы. У меня не было иллюзий, я не рассчитывал застать их врасплох; вероятно, они узнали о моем появлении, как только я вошел в здание, не говоря уже о том, чтобы подняться по лестнице на их этаж.

Я немного задержался, чтобы наложить заклинание на собственные волосы и кожу – они не должны были попасть в руки к ведьмам. К тому же здесь мне следовало исключительно осторожно применять магию; от девятого этажа далеко до земли, а я располагал ограниченными запасами энергии – только то, что имелось в медвежьем амулете. Да и в любом случае я не могу применять магию так, как это делают ведьмы. В подобной ситуации мой меч гораздо полезнее. Фрагарах (на ирландском «Отвечающий») не просто заточенный кусок стали: Туата Де Дананн добавили ему пару мощных бонусов, когда выковали много веков назад, и сейчас я собирался воспользоваться одним из них.

Я вытащил меч из ножен, нарушив тем самым закон штата о смертоносном оружии, и открыл дверь, ведущую на девятый этаж. В коридоре царила тревожная тишина, свет казался более тусклым, а воздух густым, душным и темным, как под одеялом. На других этажах, из-за

¹⁸ В буквальном переводе «Хороший бог» – божество ирландской мифологии.

дверей, где жили студенты и молодые специалисты, доносилась приглушенная музыка и смех, шутки «Дейли Шоу»¹⁹. У ведьм все обстояло иначе.

– Это Аттикус, – сказал я и постучал костяшками пальцев в дверь Малины.

Казалось, прерывистый стук нарушил покой коридора, и тишина приклеилась к моим ушам, точно ватные тампоны. Я стоял, повернувшись левым боком к объективу глазка, чтобы изнутри не смогли увидеть мою правую руку с мечом.

Дождаясь ответа, я думал о том, как глупо поступаю. В ушах звенели слова Оберона, сливавшиеся с пронзительным голосом моей паранойи. Встреча с ведьмами на их собственной территории, когда еще не подписан мирный договор – я напрашивался на неприятности. К тому же я до сих пор не знал, на что они способны; если верить Малине, они в течение тридцати лет защищали эту территорию от всех, кто здесь появлялся без приглашения. А если порог снабжен ловушкой или зачарован? Нельзя было исключать, что я мог оказаться в замкнутом пространстве квартиры наедине с демоном. Проклятье, ничто не мешало ей просто открыть дверь с «Глоком 19» в руке и всадить пулю мне в ухо, или швырнуть в меня кота, или обозвать проклятым хиппи.

Однако она ничего такого не сделала. Я услышал, как открываются замки – самые обычные, – а потом увидел Малину с покрасневшими и опухшими глазами.

– Вацлава мертва, – сказала она.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что она произнесла чье-то имя. Я знаю сорок два языка – многие из них уже вышли из употребления, – но польский к ним не относится, да и вообще, у меня всегда были проблемы со славянскими языками. Имя Вацлава, теперь я вспомнил, значилось в списке ковена Малины.

– Я сожалею, – сказал я. – Как она умерла?

– Полиция, скорее всего, назовет это самовозгоранием, – с горечью ответила Малина, – но это совсем не так.

Она была в прозрачной пурпурной тунике поверх белой блузки. Черная юбка доходила до колен и плотно обтягивала бедра; черные колготки и черные замшевые туфли на высоких каблуках дополняли наряд. А еще розовая помада на плотно сжатых губах. Я снова восхитился ее волосами – мягкие волны светлого шелка, какие увидишь разве что на киноэкранах, окаймляли лицо и спадали на грудь. Обычно кожа Малины была гладкой и белой, словно мрамор, но сейчас ее покрывали красные пятна. Малина распахнула передо мной дверь.

– Заходи.

Я не пошевелился.

– Прошу меня простить, но сначала я должен получить ответы на два вопроса. – Я повернулся так, чтобы показать ей меч, но не стал делать никаких угрожающих движений. – Ты на них ответишь?

Глаза Малины метнулись к мечу.

– Если я отвечу неправильно, то получу удар мечом?

– Нет, меч заставит тебя дать правильный ответ. Он обладает таким свойством.

Малина прищурилась.

– Какого рода вопросы?

– Они не имеют отношения к тайнам твоего ковена, в них нет ничего личного. Они касаются только моей непосредственной безопасности.

– А как насчет «услуга за услугу»?

Я вздохнул. Мои отношения с этой ведьмой постоянно сводились к торговле.

– Я могу сразу сказать, что не намерен на тебя нападать, если сам не окажусь под ударом.

– Мне это и так известно. Я хочу знать о твоей магии.

¹⁹ Американская сатирическая телевизионная программа.

– Нет, это не будет услуга за услугу. – Я покачал головой. – Информация имеет разную ценность.

Малина приподняла брови.

– Ты хочешь сказать, что невинные вопросы о магических возможностях важнее вопросов твоей непосредственной безопасности?

– Конечно, ведь твои ответы исчерпают свою пользу после сегодняшнего вечера, а мои ответы будут служить тебе всегда.

– Я слишком расстроена, чтобы продолжать с тобой словесное фехтование. Задавай вопросы о твоей личной безопасности.

Я медленно и нарочито поднял Фрагарак и направил его в горло Малины.

– *Freagróidhtí*, – сказал я на ирландском, и Фрагарак похолодел в моей руке, а клинок засиял голубым светом, окутав голову Малины прозрачным облаком.

Ведьма заморгала.

– Меч способен творить заклинание? – спросила она. – Очень необычно. Вот почему Энгус Ог так хотел его получить?

Я не сомневался, что это одна из причин, но истинный ответ крылся в политике фейри и личной мести мне. Но я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать возможности моего меча.

– Вопросы буду задавать я, – сказал я. – Имела ли ты отношение к покушению на мою жизнь сегодня вечером и известно ли тебе о тех, кто за ним стоит?

– Лично я не имею к нему никакого отношения, как и члены моего ковена, но я знаю, кто может за ним стоять.

Искушение спросить: «Кто?» было велико, но у меня оставался только один вопрос, и этот мог подождать. Я тщательно сформулировал второй вопрос.

– Намерена ли ты или кто-то из членов твоего ковена, существо или дух, сотворить заклинание против меня, пока я нахожусь в этом здании, и могу ли я случайно активировать такое во время моего визита?

– Ни я, ни кто-то из членов моего ковена, ни существо или дух в моем доме не намерены сотворить заклинание против тебя. Я не хочу рассказывать тебе о нашей магии, потому что это стало бы грубым нарушением тайн ковена, которые ты обещал не исследовать... – На мгновение Малина нахмурилась, ее глаза округлились, она обнаружила, что не может замолчать: – Но, естественно, ты активировал наше заклинание в тот момент, когда вошел в здание, так происходит со всяким, кто не живет в доме – простой сигнал тревоги первого уровня. Второе предупредило нас, что у тебя есть магический артефакт. И еще одно в коридоре, которое... *Zorya Vechernyaya, zamknij mi usta!*

Нет, мне определенно следует выучить польский язык, если я намерен и дальше иметь дело с Малиной, хотя мне и удалось уловить, что она вознесла мольбу к одной из Зорь, богине звезды, от которой ковен получил свое могущество.

– Тебе не поможет то, что ты пытаешься сделать, – сказал я. – Ты должна ответить на вопрос полностью, и только после этого я тебя отпущу. Ты начала говорить о заклинании в коридоре.

Малина решила перейти к физическим действиям: решила захлопнуть дверь перед моим носом, во всяком случае, попыталась; и тут только обнаружила, что Фрагарак позволяет ей двигаться всего на несколько дюймов. Исходно заклинание меча предназначалось для допроса агрессивно настроенных врагов – защитная мера, более чем что-либо другое, не позволяющая пронзить тебя мечом, когда ты пытаешься получить информацию. Я мягко улыбнулся, но больше ничего не сказал. У нее был только один способ освободиться – ответить на вопрос, и заклинание заставит ее сделать это достаточно быстро, даже если она будет упорствовать.

Малина упорствовала.

Через пятнадцать секунд – вполне достойное сопротивление – она уже рассказывала о заклинании в коридоре, бросая на меня разгневанные взгляды из-за своей вынужденной разговорчивости.

– Коридор активирует заклинание, которое снимает несколько волосков с твоей головы, если ты не живешь на этом этаже. И если ты переступишь через порог моей двери, произойдет то же самое. На кухне есть нож, который порежет твои пальцы, если ты попытаешься им воспользоваться, и тогда появится кровь, которую мы сможем получить. Если ты посетишь туалет, то оставленные тобой вещества могут быть использованы в будущем.

– Тьфу. Просто великолепно, – сказал я.

Ну, ничего себе, а на первый взгляд кажется простушкой.

– Это все. А теперь освободи меня от заклинания, – сказала Малина.

– Я обещал задать тебе только два вопроса, связанных с моей безопасностью, так я и поступил. И тот факт, что ты отказывалась отвечать на второй, показывает, что у меня есть все основания для тревоги. И, конечно, ты не хотела отвечать, потому что обладание моими волосами, кровью или любым фрагментом моих клеток для магических целей категорически запрещено договором о ненападении, который нам еще только предстоит подписать.

Малина молча кипела от злости.

– Очень скоро я намерен тебя отпустить, – продолжал я. – Но прежде скажу, что не считаю твой ковен виновным в покушении на мою жизнь. И я не намерен сейчас задавать другие вопросы, ведь это нарушит мое обещание, но я буду весьма признателен, если после того, как я тебя отпущу, ты расскажешь мне все, что тебе известно о том, кто пытался меня прикончить. И, если на меня напали те, кто убил Вацлаву, я готов предложить свою помощь, чтобы мы могли отомстить им вместе.

На несколько мгновений выражение лица Малины смягчилось, и после коротких колебаний она коротко кивнула.

– Вполне разумно. Я верну все твои волосы, которые мне удалось получить, и рассею заклинание на моем пороге, чтобы ты мог войти и быть в безопасности. Но ты больше никогда не станешь использовать силу своего меча против меня или кого-либо из моего ковена.

Я никак не дал ей понять, что согласился на ее условие, просто отпустил ее.

– Тогда продолжим, – сказал я.

Мне было любопытно, удалось ли безмолвному коридору забрать мои волосы, несмотря на мое защитное заклинание.

– Кто на меня напал? – спросил я.

– Подожди немного, – сказала Малина, потом произнесла несколько слов на польском, и дверной проем на мгновение полыхнул белым светом. – Теперь можешь войти.

– Благодарю, – сказал я и вошел в ее квартиру.

Все здесь было в пурпурных тонах, от темно-фиолетового до мягкой лаванды, и обставлено мебелью со стальными вставками, обитой черной кожей. На стене, над обязательным телевизором с огромным экраном, висела большая картина с тремя богинями, очевидно, это были Зори. Горящие бледные восковые свечи, расставленные по всей комнате, распространяли аромат апельсиновой кожуры и кардамона.

– Обычай требует, чтобы я предложила тебе что-нибудь выпить, – сказала Малина, направляясь к кухне, – но ты ведь откажешься, не так ли?

– Да, но все равно спасибо. Это знаковый жест.

– Ты не хочешь сесть? – Она указала в сторону кожаного дивана в центре гостиной. Рядом стоял кофейный столик, на котором лежало несколько журналов – «Ньюсвик», «Органик ливинг» и «Роллинг стоун», отметил я с некоторым удивлением. И тут же посетовал на собственную реакцию: чего еще я мог ожидать: «Квартальный ритуальный забой животных»? Я едва не согласился на ее предложение, потому что диван выглядел удобным, но напряжен-

ный предостерегающий шепот напомнил мне, что она может произнести какие-нибудь польские слова, и диван меня сожрет.

– Благодарю, я предпочитаю постоять. И с обнаженным мечом, хотя его клинок будет направлен вниз. Я не хочу занимать много твоего времени, мне нужно лишь выяснить, кто на меня напал, и вернуть все, что принадлежит мне, но что могли забрать твои заклинания.

Малина не привыкла к такому ужасающему недоверию, и мне показалось, что она готова обидеться. Но давайте посмотрим правде в глаза: большинство людей, не входящих в ее ковен, не знали, что она ведьма; они считали ее привлекательной, успешной, свободной от национальных предрассудков женщиной с чарующими волосами и склонностью к ношению сексуальных сапог.

– Ладно, – тихо сказала она, вытаскивая пробку из уже открытой бутылки красного сухого вина, стоявшей на гранитной столешнице.

Она собралась достать бокал из серванта, но потом передумала и, небрежно бросив пробку через плечо, стала пить прямо из горлышка, раз уж я не собирался составить ей компанию.

– Тогда перейдем к делу, – сказала она и сделала пару глотков для храбрости. – Вацлава превратилась в горстку пепла на берегу озера из-за действия чар, которые я видела лишь во времена моей далекой юности в Европе. Уверю тебя, мой ковен не способен на подобное, да мы бы и не хотели. Данное заклинание невозможно сотворить без помощи темных сил, и для него требуется не менее трех ведьм. И это, – сказала она со значением, указывая в мою сторону бутылкой, – должно тебе подсказать, с кем мы имеем дело.

– Если я стал целью одновременно с остальной частью твоего ковена, это означает, что против нас выступают две дюжины ведьм и восемь демонов.

– Верно – ну, демонов может уже и не быть рядом. Но я уверена, что они оставили здесь какую-то часть себя. – Ее глаза заметно округлились, и я подумал, что Малина уже некоторое время назад начала прикладываться к бутылке.

– О, нет. Позволь, угадаю. Восемь из этих ведьм сейчас едят за двоих.

– Очень хорошо, мистер О’Салливан. Обычно так все и происходит. Через девять месяцев рождаются восемь маленьких демонов – а потом еще, если ведьмы осмелятся продолжать. Существует только один ковен, который так велик и настолько бездушен, чтобы на это пойти, и мы уже с ними сталкивались прежде: они называют себя *die Töchter des dritten Hauses*.

– Дочери Третьего Дома?

– Да. Именно об этих суках я говорила тебе по телефону. – Ее лицо исказилось, словно она собралась разразиться проклятиями, но она укротила свой гнев и продолжала уже спокойнее: – Я вижу, ты говоришь по-немецки.

– *Ja*, на нескольких диалектах. Почему ты и другие ведьмы уцелели, а Вацлава нет?

Малина пожала плечами:

– Когда началась атака, она находилась снаружи, все остальные – дома. Весь наш этаж надежно защищен, и я не сомневаюсь, что у тебя тоже имеются сильные обереги. Но если бы мы оказались снаружи, все бы погибли.

– Если так, ты должна понимать, что в следующий раз они выберут для нападения более подходящее время, когда многие из вас будут уязвимы.

– Ты предполагаешь, что им известно о нашей защите. Однако они понятия не имеют о магии, которую нам дарят Зори. Их колдовство отличается от нашего и твоего. Они уверены, что навели такие чары, которых никому из нас не пережить. Они будут очень удивлены, когда узнают, что ошиблись.

– Но почему они напали на меня? И почему, если уж на то пошло, под ударом оказались вы?

– Они выступили против нас, чтобы свести старые счеты, – ответила Малина, стукнув бутылкой себя в грудь, и тут же вспомнила, что в ней отличное вино, сделала еще один большой глоток и перешла в гостиную. – Но по большей части мы – и я включаю сюда тебя – единственные, кто защищает территорию Восточной долины, понимаешь ты это или нет.

– Я на такое не подписывался.

– А на подобные вещи никто не подписывается. – Она поднесла кулак ко рту, чтобы скрыть деликатную отрыжку. – Они воспринимают тебя как стража этих мест, значит, так и есть. Восприятие – это реальность, мистер О’Салливан.

– Почему же тогда они не напали на оборотней или Лейфа?

– Они представляют иные сферы влияния. Оборотней интересуют только другие ликантропы; а так как магия на них не действует, им все равно, кто правит территорией. Вампиров волнуют лишь вампиры. Зато нас беспокоит появление тех, кто способен творить магию.

– В самом деле?

– Взгляни на места, где высокий уровень преступности. Западная долина в противовес Восточной. В городах, находящихся на западе, в том числе в Фениксе, выше уровень преступности, бедности и автокатастроф, чем на востоке. И в чем, по-твоему, причина?

– Социально-экономическое положение и плохое гражданское строительство.

– Нет, дело в том, что Западная долина не находится под нашей эгидой, в отличие от Восточной.

– Ты хочешь сказать, что ваш ковен в одиночку обеспечивает сравнительный мир и процветание Восточной долины?

– Ну, не в одиночку, но по большей части. Зори являются богинями защиты, а не мстительными божествами, жаждущими крови и жертвоприношений.

– Это замечательно, – сказал я, – но едва ли имеет отношение к вопросу, как мне найти немецкий ковен и уничтожить его.

– Уничтожить таким же способом, как моих сестер, – холодно сказала Малина. Она не знала, что на самом деле я не убивал ни одну из них – пять ведьм стали жертвами оборотней, а шестую прикончила другая ведьма, оказавшаяся на моей стороне. – Что же до их местонахождения, полагаю, они сейчас где-то в городе. Я не могу указать точный адрес, потому что сама не знаю. Мы попытаемся его выяснить после полуночи.

– Превосходно. А я попробую сам их разыскать. Как ты считаешь, этот ковен сильнее твоего?

– В данный момент несомненно, ведь их больше. Они нас не трогали, когда мы были в полном составе. Но теперь знают, что нас стало меньше, а Восточная долина – чудесное место, и они рассчитывают одержать победу.

– У них есть шансы?

– В некотором смысле так уже произошло. Мы не можем покинуть наш этаж, пока угроза вражеских чар не исчезнет – поодиночке мы не в силах от них защититься. Кроме того, едва ли мы смогли бы победить их исключительно с помощью магии, ведь нас только шестеро. Так что только ты, мистер О’Салливан, способен расстроить их планы.

– Мне кажется, вы принимаете меня за супергероя. Герои ходят по всей округе и разбираются с подлыми злодеями. Они сдают преступников полиции, и плохие парни всегда говорят, что они вышли бы сухими из воды, если бы не эти потрясающие парни. – Между бровей у Малины появилась морщина, очевидно, ведьма пыталась сделать разумные выводы из моих слов, но у нее не получалось. Похоже, она не любит смотреть мультики по утрам. – А вот друзья мстят тем, кто пытался их поджарить.

– Ну, это я могу понять.

– Хорошо. Тогда расскажи, почему Восточная долина так привлекательна.

– Почему из-за нее сражаются? – Малина перестала расхаживать по комнате, плюхнулась на удобный кожаный диван и снова приложилась к бутылке.

– Да. Объясни мне, как будто я ребенок, потому что я никогда не понимал территориальных притязаний. Почему группы волшебных существ сражаются между собой из-за земельной собственности, когда мы можем с легкостью распределиться по всей планете?

– Я думала, это очевидно, мистер О’Салливан. В индустриальном обществе высокая плотность населения, и граждане склонны считать магию предрассудком. Вот почему в таких местах легче слиться с людьми, легче их использовать и получать доходы. Как одиночка ты можешь перемещаться с места на место сравнительно легко; но для большой группы необходимо большое стадо, где можно затеряться, и более мощная экономика, способная обеспечить уровень жизни, к которому мы привыкли. Таким образом, города не только нас защищают, но и обеспечивают средствами к существованию, поэтому за наиболее привлекательные места идет борьба.

– И вы не можете разделить сферы влияния?

– Ну, до некоторой степени. К примеру, мы делим территорию со стаей Темпе. И с тобой. Но когда в одном районе появляется слишком много волшебных существ, риск себя обнаружить увеличивается, как и риск перегрузить экономику налогами.

– Прошу прощения. Но как можно перегрузить экономику налогами? Я держу книжный магазин и аптеку. У всех членов стаи Темпе есть легальное место работы. Разве ты поступаешь иначе?

Малина рассмеялась.

– Ну конечно, у меня нет работы, мистер О’Салливан. Люди сами отдают мне все, что я хочу. И моим сестрам.

– Ты хочешь сказать, что люди просто отдают тебе деньги?

– Да, верно. – Она коснулась пальцем своего локона и ослепительно улыбнулась.

– По собственной воле?

– Ну, у них остаются именно такие воспоминания. – Она пожала плечами и подняла руку ладонью вверх. – Значит, все в порядке, не так ли? – И она криво усмехнулась.

– И тебя не мучает совесть?

– Никогда. На самом деле... – Она наклонилась вперед и понизила голос, словно вокруг были другие люди и она не хотела, чтобы ее услышали. – Мы состоим платными консультантами в двух дюжинах разных компаний, но ничего не делаем, только получаем чеки, как настоящие консультанты. – Она откинулась на спинку дивана и продолжала уже обычным голосом: – Тем не менее мы работаем для жителей Восточной долины.

– Могу я спросить, в чем состоит ваша работа?

– Мы не пускаем сюда по-настоящему плохих ведьм, а также самых неприятных американских граждан. Если бы не мы, некоторые места Месы стали бы столь же опасными, как районы крупных городов. А так будет, если *die Töchter des dritten Hauses* завладеют нашей территорией. Не говоря уже о вреде, который нанесут вакханки, как только сюда доберутся.

– Что? Они направляются сюда? Прямо сейчас?

– Пока мы с тобой беседуем. Ты их знаешь, они из Лас-Вегаса. Я ведь о них уже упоминала раньше, не так ли?

– Да, это так.

Я пожал плечами, стараясь сохранять равнодушие, но понимал, что еще немного, и мне потребуется пара чистого нижнего белья. В те далекие времена, когда для меня только началась пора ученичества – за десятилетия до появления Иисуса, – последователи Бахуса были самыми жуткими существами в мире, если верить архидруиду. Ну а все, что могло напугать архидруида, вызывало у меня кошмары; и всякий раз, когда кто-то упоминал о вакханках, я едва сохранял свои штаны сухими в течение нескольких столетий.

Сейчас дети знают не слишком много о вакханках. Ну, разве что из «Метаморфоз» Овидия, где рассказывается история Орфея. На прошлой неделе ко мне заходил студент, искавший книгу Овидия, и он определил вакханок как «пьяных цыпочек, которые убили одного парня за то, что тот не захотел заниматься с ними сексом». Я подумал, что его профессора могут им гордиться. Я спросил у него, знает ли он, кто такие менады, и вместо того чтобы сказать, что это лишь другое название вакханок, он сдуру решил, что я сказал «мне надо» – ну, типа, мне надо бы их трахнуть. В общем, наш разговор быстро закончился.

Теперь, когда я стал намного старше и – надеюсь – мудрее, мне известно, что страх архидруида был его собственным сексистским ужасом перед женщинами, которые делают все, что пожелают, но я знал, что у него имелись на это некоторые основания.

Вакханки носят с собой тирсы – посохи, увитые плющом, которые дают им могущество, позволяющее тут же устроить вечеринку: стоит ударить таким посохом о землю, как из нее начинает бить вино. Они танцуют и пьют до иступления, после чего обретают колоссальную силу, позволяющую им голыми руками разорвать на части быка (или человека). В результате их безумие передается нормальным людям, и обычные вечеринки превращаются в оргии чревоугодия и пьянства. Магия вакханок направлена не против конкретных людей, ее часть попросту стимулирует человеческие феромоны, поэтому я опасался, что мой амулет не сможет меня от них защитить.

Ко всему прочему, огонь против них бессилён, и им невозможно причинить вред железным оружием. Первое ко мне не относится, потому что друиды не швыряют огненные шары в своих врагов, но последнее может оказаться очень серьезной проблемой, потому что при других обстоятельствах мой меч в состоянии разобраться с противником прежде, чем тот успеет меня атаковать. Таким образом, вакханки отлично приспособлены к борьбе с друидами, и я мог оказаться беззащитным перед их магией.

– За прошедшие годы мы дважды изгоняли их отсюда, – сказала Малина. – Но сейчас они не только превосходят нас числом, но и могут устраивать свои безобразия, не опасаясь, что появимся мы, – ведь нам нельзя покидать это здание, пока немецкие *hexen* не будут уничтожены. Меня не удивит, если они объединились, чтобы захватить нашу территорию.

– А это, – сказал я с сардонической улыбкой и погрозил ей указательным пальцем левой руки, – начинает казаться мне подозрительным.

Малина округлила глаза, демонстрируя шутовское изумление.

– Только начинает?

– Да, – ответил я, не обращая внимания на ее сарказм. – У меня складывается впечатление, что ты хочешь, чтобы я бегал кругами и решал за тебя твои проблемы, пока ты будешь сидеть дома и смотреть «Дневник памяти»²⁰ или еще что-нибудь в таком же роде. – Я изменил голос, чтобы он стал более высоким, и попытался говорить с польским акцентом: – Иди и убей немецких *hexen*, друид, а заодно разберись с ужасными вакханками и одержи победу ради Орфея.

Малина бросила на меня свирепый взгляд.

– Ты попытался воспроизвести мой акцент? Это прозвучало как крайне неудачная попытка русского повторить Бела Лугоши²¹. Мой акцент гораздо сложнее и благороднее.

– Мы сейчас обсуждаем вовсе не мою имитацию твоего акцента.

– Ну а я говорю именно о нем. Кроме того, ты обещал отомстить за Вацлаву.

– Так и будет. Но как ваш ковен намерен сразиться с *hexen*? – спросил я.

²⁰ Американская мелодрама.

²¹ Американский актер венгерского происхождения (1882–1956). Известен как исполнитель роли графа Дракулы.

Малина сдулась, посмотрела на бутылку, решила, что пить уже хватит, тяжело вздохнула и откинулась головой на спинку дивана. Это движение привело к тому, что ее волосы взметнулись, словно шелковый вихрь, и ореолом опустились на черную кожу дивана. Она умела творить такое заклинание, что мужчина, увидевший их, был готов отдать ей все, что она просила. Однако сейчас я подумал, что едва ли ей потребуется магия. Белая колонна ее шеи манила, и мой взгляд спустился вдоль наконечника стрелы, образованного впадинкой между шеей и ключицами, и еще ниже к ее... *бейсбол*. Возьми себя в руки, Аттикус! Любая связь с Малиной закончится плохо.

– Сначала нам нужно их найти, – сказала она. – В этом смысл сегодняшнего ночного гадания. Как только мы узнаем, где они находятся, сможем сражаться с ними отсюда. И не будет ничего столь драматичного, как восемь одновременных заклинаний, мы просто выберем одну из них там, другую здесь, пока ты не сможешь противостоять им напрямую. Я буду держать тебя в курсе. А когда сюда доберутся вакханки – скорее всего, завтра ночью, – я дам знать и о них.

– В таком случае мы все обсудили, и тебе лишь осталось вернуть то, что не должно у тебя находиться.

– Ах да. – Малина встала с дивана, поставила бутылку с вином на кофейный столик и слегка повернулась на высоких каблуках. Она собрала волосы в узел, продолжая дружелюбно разговаривать со мной, и повела в спальню, которая сейчас исполняла роль кладовой ведьмы. – Я надеюсь, что скоро у нас дойдет до подписания договора о ненападении, мистер О’Салливан, потому что, несмотря на твой неприятный допрос и варварское нежелание убрать меч, я чувствую, что мы сможем мирно жить и работать вместе, и даже процветать, после того как нынешние неприятности останутся позади.

Сейчас она говорила не на английском – то был язык дипломатии.

– Я ничего не имею против мира и процветания, – заметил я.

Ведьмовская кладовая Малины по контрасту с убранством гостиной была выкрашена в бледный болотно-зеленый цвет, вдоль стен шли полки из кедра, на которых стояли ряды стеклянных бутылок. Я попытался найти хотя бы одну с чем-то ужасным – человеческим мозгом, губами оленя или яйцами выдры, – но увидел лишь лекарственные растения, мази, приворотные зелья и диковинную коллекцию когтей крупных кошек. У нее имелись когти тигров, снежных леопардов, львов, черных ягуаров, а также гепардов, кугуаров и рысей. Еще я обратил внимание на клювы хищных птиц, но в остальном припасы Малины имели растительное происхождение.

В центре помещения находился деревянный рабочий стол, купленный в «Икее» в отделе кухонь. На нем стояли обязательные пестик и ступка, ножи для резки и чистки и электроплитка, включенная в сеть при помощи удлинителя. Я был слегка разочарован, когда увидел на плитке обычную кастрюлю, а не черный железный котелок – и мое разочарование только усилилось, когда в кастрюле не оказалось несчастной рептилии. Напротив рабочего стола висела небольшая копия картины из гостиной: три Зори смотрели со стены, дожидаясь момента, когда можно будет благословить работу Малины.

– А кто снабжает тебя лекарственными травами? – спросил я. – Возможно, я смогу помочь, если у тебя возникнут проблемы с чем-то особенно качественным и свежим.

– Мы почти все получаем от знатока трав в Чандлере, – сказала Малина, – хотя я не сомневаюсь, что вскоре нам потребуется больше золототысячника, если мы хотим окончательно разобраться с *hexen*. У тебя есть запасы?

Золототысячник – это одно из названий тысячелистника. Ведьмы используют его для ворожбы, однако он является составной частью многих заклинаний защиты и нападения. Со своей стороны я много его использую для создания лекарств, в том числе нескольких оригинальных чаев – иммунный чай при простудах и гриппе, чай-фасили для улучшения пищева-

рения при желудочно-кишечных болезнях – и еще одной галлюциногенной смеси, которую я называю «Улучшенный чай-висибили». Последний я завариваю для художников, которые хотят видеть мир иначе, поскольку при определенных концентрациях тысячелистник способен менять восприятие цвета.

– Конечно, у меня полно этой травы, и я постоянно ее использую. Я выращиваю тысячелистник на своем заднем дворе, без удобрений, и он очень сильный. Сколько тебе нужно?

– Три фунта меня вполне устроит. – Малина кивнула. – Ты можешь кого-нибудь прислать с травой?

– Конечно. Утром прибудет курьер. Ты сможешь расплатиться с ним. Заодно я пришлю список других моих запасов и еще один список, в котором будут перечислены травы, которые я могу для тебя вырастить, если ты попросишь меня заранее.

– Отлично, пусть нас свяжет торговля.

Малина подошла к полке рядом с картиной с Зорями и посмотрела на бутылку без пробки и надписи – мне она показалась пустой. Слева от нее стояли флаконы с прядями волос и именами людей. Все они находились в полной власти Малины и, возможно, даже не подозревали об этом. Мне стало их жаль.

– Они должны быть здесь, – озадаченно проговорила Малина. – Последним наш этаж посетил офицер, который сообщил о смерти Вацлавы. – Она указала на флакон с надписью, стоявший рядом с пустым. Внутри лежала прядь светлых волос, на этикетке розовыми чернилами было выведено имя Кайла Гефферта. – Твои волосы должны быть в этой пустой бутылке, – сказала она и подняла глаза на кондиционер, откуда выходила слабая струя воздуха.

Очевидно, все волосы посетителей, входящих в коридор, подхватывает воздушный поток и через систему труб отправляет в пустые бутылочки, но ни в одной из них не оказалось моих рыжих волос.

– Что здесь происходит, во имя Утренней Зари? – Малина бросила на бутылочку мрачный взгляд, словно та могла ей ответить, а я с трудом сдержал улыбку.

Ха-ха. Мое заклинание оказалось сильнее, чем у нее. Бе-бе-бе, Малина. Тебе меня не поймать.

Глава 6

Мыть грязного ирландского волкодава совсем не то же самое, что чихуахуа. К примеру, требуется три или четыре ведра воды только для того, чтобы его полностью намочить, а чихуахуа, скорее всего, просто утонет, если на него вылить одно ведро.

За прошедшие годы я выяснил, что если хочешь в процессе оставаться сухим, то должен отвлечь Оберона от щекочущих пузырьков и мыла, рассказав ему по-настоящему интересную историю, – в противном случае он мощно встряхнется, обрушив струи воды и пены на стены моей ванной комнаты. Вот почему время мытья еще и время историй в моем доме – в результате Оберон полюбил мыться.

Мне ужасно нравится, что, пока история не закончена, Оберон полностью ею поглощен. В течение последних трех недель он в буквальном смысле переживал жизнь Чингисхана, постоянно приставал ко мне, предлагая возглавить орды в монгольской степи и начать войну в Азии. Сейчас я намеревался направить его совсем в другую сторону.

– Когда мы морочили голову мистеру Семерджану, – сказал я, выливая на Оберона первое ведро воды, – ты спросил у меня, кто такие Веселые Проказники. Так вот, Веселые Проказники – это группа людей, которые вместе с Кеном Кизи отправились в волшебном автобусе из Калифорнии в Нью-Йорк.

«У Кена Кизи был волшебный автобус? И что он умел делать?»

– Его главный талант состоял в том, что он пугал до смерти социальных консерваторов. Это был старый школьный автобус, перекрашенный в яркие цвета – на самом деле люминесцентные, – и он получил имя «Дальний».

«Значит, Кизи был магом?»

– Нет, просто талантливым писателем. Но я полагаю, что его волшебный автобус начал культурную революцию шестидесятых, и это была могущественная магия. Проказники бесплатно раздавали «кислоту» всякому, кто хотел заставить людей выбраться из скучной и однообразной жизни. Тогда «кислоту» еще не запретили.

«Подожди. Ты никогда не рассказывал, что такое кислота».

– Уличное имя ЛСД.

«А я думал, что уличное имя должно быть Мормон».

– Нет, это ЛСД, наркотик, его называли «кислота», потому что полное название звучит так – диэтиламид лизергиновой кислоты.

«Складывается впечатление, что ЛСД имел множество побочных эффектов».

– Меньше, чем многие сегодняшние лекарства, – сказал я, проводя мыльной губкой по спине Оберона. – Но вернемся к Проказникам. Они носили одежду ярких цветов, окрашивая ткань вручную, а еще броские шляпы и придумывали себе классные прозвища вроде Горная Девчонка, Гретхен Фетчин. И Волнистая Подливка.

«Волнистая Подливка? Seriously?»

– Здесь каждое слово правда, или я сын козла, – заявил я.

«Вау! Это самое крутое имя из всех, что я слышал в жизни. И что делала Волнистая Подливка?»

И я рассказал Оберону про «Электропрохладительный кислотный тест»²² и происхождение «Грэйтфул Дэд»²³, о хиппи и моральном императиве вандализма и гражданского неповиновения. И позаботился о том, чтобы он понял, что мистер Семерджан являлся образцом

²² Книга американского писателя Тома Вулфа (1968).

²³ Дословно: «Благодарные мертвецы» – американская рок-группа.

скучной, однообразной жизни – а мы выступали в роли Веселых Проказников. Оберон вылез из ванны чистым и готовым надеть разноцветную рубашку со знаком мира.

Когда Оберон промаршировал по гостиной, распространяя мир и подливку (Подливка есть Любовь, объяснил он), мое подсознание выбрало этот момент, чтобы позволить одному факту выбраться на поверхность: правду ли сказал мистер Семерджан о том, что у него в гараже есть гранатомет?

Я сомневался, что такую штуку можно купить на оружейной выставке, но решил, что это следует проверить, а потом придавил подушку, благодарный за то, что сумел пережить еще один день.

Глава 7

Утром я приготовил себе настоящий завтрак, ведь мне предстояло сражаться с демонами: взбитый омлет с сыром фета, нарезанными помидорами и шпинатом (с соусом «Табаско»), тост с апельсиновым джемом и чашка горячего натурального кофе, выращенного на затененных деревьями участках.

С утра мне стало очевидно, что проблему вакханок можно решить только одним способом – предоставить разобраться с ними кому-то другому. Это обойдется мне недешево – возможно, даже очень, – но мы с Грануаль переживем. Я подумал, что можно использовать против них деревянное оружие или бронзовое и стеклянное, но мне требовалось одержать победу в схватке с невероятно сильными женщинами; к тому же у меня не было никакой защиты против их безумия.

Пришло время поработать с телефоном. Сначала я позвонил Гуннару Магнуссону, альфа-самцу стаи Темпе и главе «Магнуссон и Хёук», юридической фирмы, которая меня представляла. На оборотней магия вакханок не действует. Он холодно выслушал меня и сразу категорически отказался.

– Моя Стая не станет ввязываться в твои вонючие схватки за территорию, – сказал он. – Если у тебя возникли юридические вопросы, обратись к Халу или Лейфу. Но тебе не стоит считать мою Стаю своей личной гвардией сверхъестественных наемников, к которой ты можешь обратиться всякий раз, когда попадаешь в беду.

Очевидно, он до сих пор не отошел после нашего сражения с Энгусом Огом и ковенем Малины. Два оборотня из его стаи погибли, пытаюсь спасти Хала и Оберона. Не было никакого смысла спорить с Гуннаром, когда он находился в таком настроении, поэтому я сказал:

– Прошу прощения. И да пребудет с тобой гармония.

Похоже, мне предстояло многое исправить в отношениях со своими адвокатами. Звонок Лейфу также будет напрасным; во-первых, в такое время дня он прячется от солнца, во-вторых, потребует, чтобы я попытался убить Тора в обмен на его помощь с вакханками.

Мне совсем не хотелось этого делать, однако я набрал номер, который дала мне на прошлой неделе Грануаль, когда вернулась из своего путешествия. По нему я мог связаться с Лакшей Куласекаран, индийской ведьмой, которая теперь жила под именем Селай Чамканни. Перемена имени была обязательной, потому что теперь душа Лакши поселилась в теле Селай, иммигрантки-пуштунки из Пакистана, которая год лежала в коме после автомобильной катастрофы. Селай несколько лет назад получила статус гражданки США и теперь обладала всеми необходимыми документами и банковскими счетами – и что еще важнее, не имела ни малейшего желания выходить из комы: Лакша перебралась из головы Грануаль в голову Селай и в качестве дополнительных аксессуаров получила дом и мужа.

Когда я спросил, как она приспосабливается к новой жизни, Лакшу больше всего заботил муж.

– Его беспокоит, что я вышла из комы со странным акцентом и чувством независимости, но он испытывает глубокий трепет из-за того, что я избавилась от сексуальных комплексов, так что он готов не обращать внимания на мое неуважение.

– Мужчины так предсказуемы, верно? – сказал я и улыбнулся.

– По большей части. Однако тебе удалось меня удивить, – ответила она.

– Я бы хотел на короткое время пригласить тебя в Аризону.

– Вот видишь? Какая неожиданность.

– Убийство Родомилы и половины ее ковена привело к появлению вакуума власти в нашем регионе, и к нам устремились самые разные нежелательные существа. Мне бы не помешала твоя помощь, Селай.

– Пожалуйста, пока мы вдвоем, называй меня Лакша. И с какими именно нежелательными существами ты столкнулся?

– Вакханки.

– Настоящие? – В ее голосе появилась жесткость. – Подлинные менады из Старого мира?

– Они придут сюда из Лас-Вегаса, но, да, речь о них.

– О, значит, твой меч тебе не поможет в схватке с ними.

– Верно, – согласился я. – Ты можешь сесть на самолет и прилететь сюда. Билет я оплачу.

– Ты заплатишь много больше, чем за билет, – сказала Лакша. – Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы до вакханок добралась их карма. С моей помощью, не так ли?

– Да, – признал я. – Мой старый архидруид сказал бы: «Хорошая вакханка – это мертвая вакханка».

– Но, совершив такой поступок, я ухудшу свою карму, а она у меня и так отвратительная. Твой долг ко мне будет очень большим.

– Я могу заплатить тебе значительную сумму денег.

– Я говорю не о деньгах. Мне потребуется твоя услуга в обмен на мою.

– Какого рода услуга?

– То, что ты можешь сделать, а я – нет. Как только мой самолет приземлится в аэропорту, я тебе позвоню и все объясню. Это будет во второй половине дня, возможно, ближе к вечеру.

– Хорошо. Я с нетерпением жду встречи с тобой.

Я попытался представить, какую услугу может потребовать от меня жуткая похитительница тел, но через несколько секунд отбросил эту мысль как бесполезную – у меня были дела поважнее. Я позвонил своей ученице и дал ей утренние указания.

– Аттикус? Ты в порядке? – спросила она, подняв трубку. – Вчера ты меня встревожил.

– Сожалею, – смущенно ответил я и покраснел – оставалось радоваться, что Грануаль меня не видела. – Я был не в себе после нападения демона. Теперь я собираюсь убить другого – он очень большой – вместе с Койотом, но после ленча должен вернуться. У меня есть для тебя пара поручений. Бери ручку.

Грануаль записала имя и адрес Малины для доставки тысячелистника.

– И не нужно туда ходить самой, отправь курьера. – Я не хотел, чтобы моя ученица, сама того не подозревая, оставила волос во флаконе у Малины. – И пусть потом Перри покажет тебе, где мы храним заявления желающих поступить к нам на работу – мне нужно нанять дополнительных помощников. Просмотри их, сделай несколько звонков и подготовь людей для собеседования сегодня днем. Если они все еще не нашли работу, то могут прийти.

– Тебе и в самом деле нужны помощники? В последнее время у нас совсем мало покупателей.

– Теперь меня чаще не будет на месте. Пустошь у Хижины Тони будет требовать моего внимания. Если я этим не займусь, уйдут столетия, прежде чем земля оживет.

Энгус Ог убил несколько квадратных миль земли, открыв портал для демонов ада, он сам будет целую вечность расплачиваться за это, сгорая в огне, а земля осталась бесплодной и нуждалась в помощи.

– О, да, обязательно. Но разве тебе не потребуется машина?

– Нет. Тебе придется возить меня туда, поэтому и тебя часто не будет в магазине.

– Ладно, я поняла.

– Именно для этого и нужен сенсей. А пока меня не будет, воспользуйся отсутствием покупателей и поработай над своей латынью при помощи программы, которую я для тебя приобрел.

Закончив разговор с Грануаль, я отправился в гараж, чтобы кое-что отыскать. Вместо машины там имелось множество разных вещей – сюррикены, сай, пара щитов, рыболовные снасти и множество садовых инструментов. Именно в гараже я хранил свой современный состав-

ной лук с невероятно сильным натяжением. Если бы я не пользовался магией, то не сумел бы с ним справиться. Пожалуй, демону будет из-за чего переживать. Кроме того, я нашел колчан, полный стрел из углеродистой стали, и поставил его рядом с луком у входной двери.

До появления Койота оставался час, и я решил пробежаться с Обероном до Рузвельт-стрит, навестить вдову Макдонаг и привести в порядок ее лужайку.

Было всего девять часов утра, но она уже устроилась в кресле на крыльце и потягивала «Таламор дью» со льдом и читала крутой детектив. Как только она увидела нас с Обероном, на ее морщинистом лице появилась широкая улыбка.

– О, Аттикус, мой дорогой мальчик! – воскликнула она, откладывая книгу, но только не стакан. – Ты настоящее цветение весны на фоне облачного осеннего дня, и это чистая правда.

Я рассмеялся, услышав ее поэтическое приветствие.

– Доброе утро, миссис Макдонаг. Вы способны тронуть сердце одинокого мужчины с расстояния в пятьдесят миль.

– Ш-ш-ш! Мне следовало бы испечь для тебя шоколадное пирожное с орехами за твою лесть. Такие вещи полезны для сердца. Подойди ко мне, давай обнимемся.

Она встала с кресла-качалки со стаканом в руке и открыла мне объятия. На ней было белое платье из хлопка с голубым цветочным орнаментом, на плечи она набросила темно-синюю шаль; в Темпе, наконец, пришел холод, и складывалось впечатление, что скоро пойдет студеной дождь, чтобы обновить жизнь в пустыне. Вдова похлопала меня по спине, и мы быстро обнялись.

– Я не могу представить, чтобы такой красивый парень оставался одиноким, но, видит Бог, я всегда рада тебя видеть... О, привет, Оберон! Какой у тебя чудесный наряд. – Она почесала его за ушами, и хвост Оберона застучал по перилам крыльца. – О, ты ведь хороший пес, верно?

«Скажи ей, что я Собак Мира, но считаю, что ее кошки находятся в союзе с людьми. И я готов с ними сотрудничать».

– Хочешь, я принесу тебе выпить чего-нибудь холоденького, Аттикус? Быть может, глоток ирландского?

– О, нет, благодарю. Мне нужно скоро уходить, чтобы сразиться с порождением ада, и я не могу допустить даже малейшей слабости.

Вдова неожиданно узнала, что я друид, а вскоре после этого она выяснила, что оборотни бывают настоящими. Когда большинство людей сталкивается со столь кардинальным изменением своих представлений о мире, их коробка передач сгорает, и им требуется замена всей системы. Однако вдова даже не стала притормаживать, все приняла на веру и пожалела меня, когда я показал ей свое изуродованное ухо. И дала мне вонючую мазь из «Уолгринс», не подозревая, что я могу сделать кое-что получше из любых ингредиентов.

– Значит, снова собираешься сразиться с демонами? Ну, отец Говард будет рад это слышать, верно? – Она рассмеялась и жестом пригласила меня сесть в кресло рядом с ней.

– Отец Говард? – Я нахмурился. – Вы сказали вашему священнику, что я друид?

– Ш-ш-ш, я не такая глупая, мой мальчик. И даже если бы сказала, он бы не проверил. Для него я не более чем дерзкая Кейти Макдонаг, которая каждое воскресенье приходит на мессу навеселе; он не станет обращать внимание на то, что я говорю.

«Она ходит в церковь пьяной – ну, я хотел сказать, навеселе – это превосходно. Если бы волшебный автобус пришел сюда сейчас, могу спорить, она сразу в него запрыгнула бы».

– Вы хотите сказать, что отец Говард относится к вам скептически или принимает вас как данность?

– О, перестань. Конечно, нет, какая данность?

– Ладно, извините, я должен был спросить.

Взгляд вдовы упал на лужайку, и она помрачнела.

– Ну, может быть, немного. – Потом она быстро повернулась ко мне и погрозила пальцем. – Но имей в виду, только совсем немного!

– В каком смысле?

– Ну, ты же знаешь, я здесь самая старая прихожанка. А он еще совсем молоденький, и ему нужно привести в порядок ребятишек из колледжа. Я вдова, чья душа уже не подвергается искушению, поэтому обо мне не стоит особо беспокоиться, ведь так? Ему со мной все ясно. Возможно, сейчас говорит мое тщеславие, но было бы замечательно, если бы меня не принимали как данность.

– Конечно. Вы заслуживаете, чтобы вас ценили.

– В особенности если я помогаю вселенной существовать, верно? Разве не в этом состоял смысл того, что ты мне сказал перед тем, как убежать туда, – она махнула рукой в сторону гор Сьюпестишен, – и тебе откусили половину уха?

– Извините. – Я потряс головой, пытаюсь сообразить, что означали ее последние слова. – Я не совсем вас понимаю. Напомните мне, что я сказал.

– Ты сказал, что боги действительно существуют, и они живые. И все они чудовища.

– Ну, да. Они все живые, за исключением тех, что мертвы.

«Я думаю, тебе следует представить эту фразу на конкурс очевидностей – и ты получишь Нобелевскую премию», – заявил Оберон.

– Насколько я поняла, они живы из-за того, что мы в них верим?

– Хм-м-м. С множеством разных примечаний да.

– Значит, в некотором смысле наша вера порождает богов, а не боги нас. И если это так, то вселенную создали мы.

– Я думаю, что это серьезный шаг в комнату солипсизма, лишённую окон. Но я понимаю ваш довод, миссис Макдонаг. Такого человека, как вы, с настолько сильной верой не следует игнорировать. Верующие по всему миру способны совершать чудеса.

– Неужели? И как они это делают?

– Вы слышали о людях, которые утверждают, будто они видели Деву Марию?

– Конечно, много раз.

– Их видения созданы верой. Весьма возможно, что и вы на такое способны.

– Одна, без посторонней помощи?

Я кивнул.

– Вне всяких сомнений. Миссис Макдонаг, когда вы думаете о Марии, какой она вам представляется? Вы можете подробно ее описать?

– Ну конечно. Я была бы не самой лучшей католичкой, если бы не могла, верно?

– Если Марии суждено появиться на нашей земле сейчас, как, по вашему мнению, она бы выглядела?

Казалось, вдове понравилось, что ей задали такой вопрос.

– В ее глазах я вижу бесконечное терпение, а в улыбке – блаженство. Она одета в соответствии с требованиями современного мира – ну, чтобы не выделяться, например, что-то из хлопка, темно-синее.

– Почему темно-синее?

– Я не знаю, просто этот цвет у меня ассоциируется с ней. Она не станет носить яркие, вызывающие цвета вроде бирюзы, ведь так?

– Ладно, продолжайте. Какие у нее туфли?

– Практичные. Но очень высокого качества, не дешевые теннисные тапки, сделанные бедными азиатскими девчонками на конвейере.

– А как насчет особого одеяния и головного убора, какие надевают в церковь?

– Думаю, нет. Это уже вышло из моды. Простая белая лента, чтобы волосы не попадали в глаза – ничего больше.

– Если она придет сюда, в Темпе, как вы считаете, чем она захочет заняться?
– Такая святая женщина? Скорее всего, она отправится на бульвар Апачей, чтобы помогать бездомным, шлюхам и наркоманам... слушай, как их называют на сленге?

– Торчки.

– Правильно. Да, она станет помогать торчкам с бульвара Апачей.

«А ты не замечал, что бульвар Апачей похож на Мос-Айсли?»²⁴ Ты вряд ли найдешь где-нибудь больше подлецов и отбросов общества»²⁵.

Когда Оберон говорит такие вещи, мне приходится напрягать всю мою волю, чтобы не нырнуть во вселенную фанатиков «Звездных войн»; я решительно его проигнорировал, потому что мне следовало создать у вдовы надлежащее настроение.

– Замечательно, миссис Макдонаг. Она наверняка сделает очень много хорошего на бульваре Апачей. Более того, если она там окажется, то сможет благословить мое оружие, чтобы мне удалось прикончить демона ада.

– Да, верно, ей такое по силам. Разве это не божественно?

Мы с Обероном посмотрели на вдову и обнаружили едва заметную улыбку на ее лице, приятную, но загадочную.

«А она понимает, что у нее получилась игра слов?» – спросил Оберон.

«Не знаю, не уверен».

«Чувак. Она с нами шутит. Она уже в автобусе».

– Миссис Макдонаг, я хочу, чтобы вы сосредоточились или даже погрузились в медитацию – нет, мне нужно, чтобы вы *помолились*, сегодня, прямо сейчас, вложите в молитву всю свою веру в способность Марии к чудесному исцелению и другим добрым делам, которые она сможет свершить для наркоманов с бульвара Апачей. Постарайтесь представить ее как можно четче.

– И ты думаешь, что, если я так сделаю, Мария спустится с небес и пройдет по бульвару, исцеляя людей от наркомании и убеждая их больше не грешить?

– Вполне возможно. Тут все зависит от того, как она сегодня себя чувствует.

– Ну, конечно, она чувствует себя чудесно! – Вдова с укором посмотрела на меня. – Она ведь мать Бога, ради всего святого!

– Да, но Мария обладает свободой воли, не так ли? Она не может стать рабыней ваших молитв и сама решает, стоит ей появиться на бульваре, как вы ее просите, или нет. Разве молитвы произносятся не с таким смыслом?

– Ну, наверное. Но так думать... как-то странно. Все получается наоборот.

– Это лишь незначительное изменение причинно-следственной связи. Вера – основа всего. Ничто не работает без вашей веры. Никакая религия. Как язычник, присоединившийся совсем к другому пантеону, я никогда не сумею убедить Деву Марию здесь появиться.

– Но, Аттикус, как может моя жалкая молитва...

– Вера, миссис Макдонаг! Вера! Если вы хотите получить научное обоснование, я не могу вам его дать. Наука не в состоянии сомкнуть кулак разума на чуде сознания, как я не могу превратить мой клинок в световой меч.

«А было бы круто! Ты мог бы нарядиться в коричневые одеяния и обмениваться пресными диалогами со своим падаваном, Грануаль».

«Не сейчас, Оберон».

«Признайся. Ты слегка разочарован, что она называет тебя сенсей. Втайне ты мечтаешь, чтобы она обращалась к тебе Мастер».

«Боги Преисподней, отправляйся в дом и погоняй кошек!»

²⁴ Космопорт из вселенной «Звездных войн».

²⁵ Цитата из афиши к «Звездным войнам».

– Прошу прощения, – сказал я вдове, – вы не против, если Оберон войдет в дом ненадолго?

– Что? Нет, конечно, мой мальчик, вовсе нет. Это будет полезной гимнастикой для моих кисок. Они хорошие, собакобоязненные кошки.

«Мне нравится, когда они на меня шипят и у них изо рта выпадают комочки шерсти».

«Только ничего там не разбей».

«Если что-то разбивается, всегда виноваты кошки».

Я открыл для него входную дверь и сразу же услышал его радостный лай и мяуканье испуганных до ужаса кошек. Мы с вдовой немного посмеялись, потом я снова уселся с ней рядом, а она сделала очередной глоток виски.

– Так вы сможете помолиться об этом для меня? – спросил я, когда шум в доме немного стих.

– Дева Мария на бульваре Апачей? Конечно, могу, если это порадует твое сердце.

– Порадует, – сказал я. – И не забудьте упомянуть, что она может помочь мне убить демона, сбежавшего из ада. Молитесь изо всех сил, если такое возможно, и сосредоточьтесь на том, как она выглядит, и тогда это произойдет – то есть в течение ближайших двух часов. А я пока подстригу траву на вашей лужайке.

– Хороший мальчик, – сказала она с блаженной улыбкой, когда я встал и сбежал с крыльца, чтобы отыскать газонокосилку.

Я обнаружил ее в гараже и вытащил наружу, чтобы быстро проверить, как она работает. Вдова закрыла глаза и принялась тихонько раскачиваться в кресле.

Я не знал, сработает ли моя идея, но надежда оставалась. Мария была склонна чаще посещать землю, чем остальные христианские святые и ангелы. Я встречался с ней около дюжины раз, и всегда в результате молитв о заступничестве, которые кто-то возносил от имени группы людей.

Если ничего не получится, я не стану переживать; просто отнесу стрелы в католическую церковь и попрошу священника их благословить. Сильная христианская вера всегда помогает против демонов, но личное благословение Марии будет большой удачей, если стрелы ее удостоятся.

Закончив подстригать лужайку, я поставил газонокосилку на место и вернулся к вдове. Она на мгновение открыла глаза, и я увидел, что они полны слез.

– О, Аттикус, я очень надеюсь, что она меня услышала и спустится к нам, как ты говорил. Я знаю, что она присматривает за моим Шоном, да упокоится он с миром. – Она перекрестилась при упоминании умершего мужа. – Не думаю, что он будет против, если Дева Мария немного отвлечется, чтобы помочь заблудшим душам, у которых наступили плохие времена. Это стало бы могущественным благословением, я уверена. И неважно, придет она или нет, мое сердце радуется, когда я думаю, что такое возможно и для несчастных еще есть надежда найти бога и доброту ее улыбки. Спасибо тебе за то, что надоумил меня ей помолиться.

Я взял маленькую, покрытую пятнышками руку вдовы и быстро ее пожал. Мы немного посидели рядом, глядя на клубящиеся на востоке грозовые тучи, пока не пришло время моей встречи с Койотом.

– А теперь иди, – сказала вдова, когда я попрощался с ней и попросил Оберона заканчивать развлекаться с кошками. – Передай Марии, что я ее люблю, если увидишь. И вот еще что, Аттикус, мой мальчик.

– Да, миссис Макдонаг?

– Быть может, на этот раз тебе следует надеть шлем, – пошутила она, – на случай, если демон захочет отгрызть тебе нос или еще что-нибудь.

Глава 8

Койот опоздал всего на пять минут.

Шины «Форд Эскейп Гибрид» громко завизжали, когда он вывернул из-за угла. Койот резко затормозил перед моим домом, и до меня долетел запах жженой резины. Койот выскочил из кабины и рассмеялся.

– Отличная штука для горячей прогулки, мистер Друид, да, сэр?! – И он пару раз стукнул по капоту, чтобы показать свой энтузиазм.

– Ты и в самом деле так думаешь? А я полагал, что для быстрой езды больше подходит спортивный автомобиль.

– Когда я сказал «горячей», то имел в виду «только что украденный». Угонять машины почти так же весело, как пару столетий назад было воровать лошадей. Ты готов?

– Да. – Я показал ему лук, колчан со стрелами был пристегнут у меня за спиной.

Оберон устроился дома на диване, где ему предстояло посмотреть «Пролетая над гнездом кукушки» по видео. Я обещал купить ему аудиокнигу, чтобы он получил возможность насладиться мысленным путешествием Вождя Бромдена.

– А ты сам не забыл прихватить лук? – спросил я.

– Ясное дело, не забыл. И еще я купил себе водяной пистолет и зарядил его святой водой.

– Тогда ладно. Ты не против, если поведу я?

Койот рассмеялся.

– Конечно, мистер Друид. Это твое родео. Мне ужасно интересно, где ты намерен добыть освященные стрелы.

– Стрелы здесь, – сказал я, указав большим пальцем на колчан у себя за спиной. – Просто пока они не освящены.

Койот снова рассмеялся.

– И ты просто собираешься опустить их в святую воду?

– Может быть. – Я усмехнулся, чтобы скрыть раздражение. – А может быть, и нет. Подожди, сам все увидишь.

Бульвар Апачей был не таким ужасным, как Мос-Айсли. После того как начала работать узкоколейная железная дорога, застройщики стали инвестировать сюда деньги и внесли свой вклад в деградацию городов. Но здесь все еще оставались ряды стоянок трейлеров и дешевых оштукатуренных домиков, где можно было жить. Грунтовые дороги, груды старых матрасов, ржавые детали автомобилей – классические признаки нищеты, раздоров и духовных пустошей.

Сразу после десяти утра все подсевшие на мет наркоманы спали, и для Марии здесь не было работы. Люди, шагавшие по бульвару Апачей, знали, куда они направляются; у них еще оставались остатки надежды на лучший исход. Тем не менее я заметил небольшую группу, столпившуюся вокруг женщины в темно-синем платье и с белой лентой в волосах, стоявшей между Мартин-Лейн и Ривер-Драйв. Несколько бродячих собак и кошек терлось о ее ноги, словно они стали домашними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.